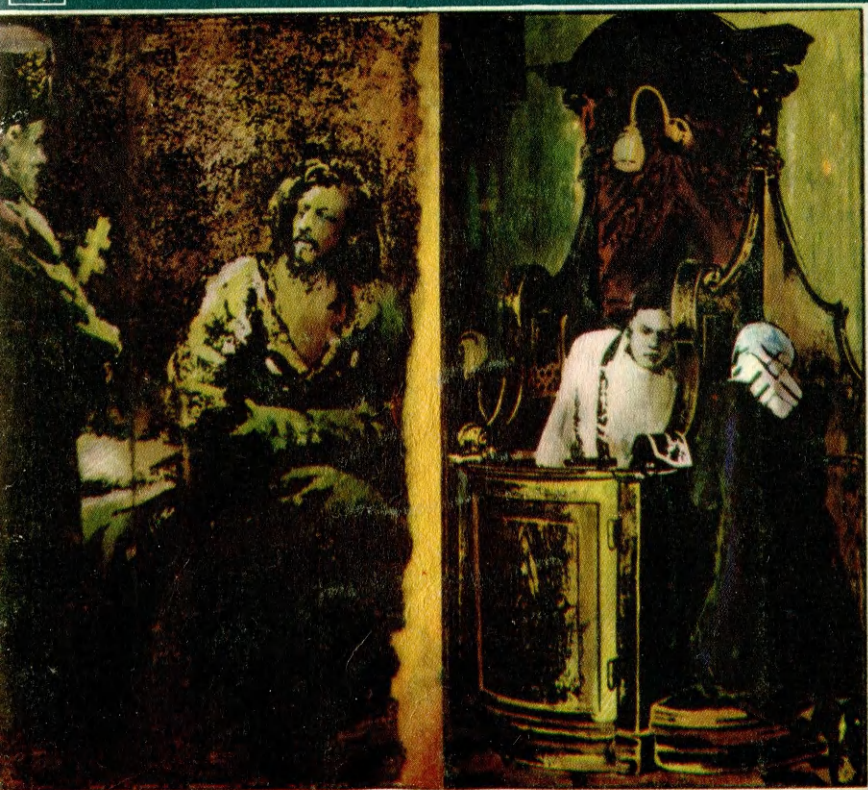

С. Марков

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ИСПОВЕДЬ?

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

С. Марков

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ИСПОВЕДЬ?

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1978**

Марков С. М.

М26 Зачем человеку исповедь? — М.: Политиздат, 1978.

87 с., ил.— (Беседы о мире и человеке).

Покаяние — одно из семи христианских таинств, которым придается большое значение в православии и католицизме. По церковному учению, исповедуясь, человек освобождается от бремени совершенных грехов. Но действительно ли это так? Почему люди, находящиеся в плену религиозных представлений, считают это таинство одним из условий морального самосовершенствования человека? Действительно ли покаяние способствует нравственному воспитанию верующего?

На эти вопросы читатели найдут ответы в книге кандидата философских наук С. М. Маркова. В ней предпринимается попытка раскрыть психологический механизм покаяния, показать его роль в системе духовного воздействия на людей.

Издание рассчитано на массового читателя.

М $\frac{10509-239}{079[02]-78}$ 281-78

86.37

293

РОДОСЛОВНАЯ ПОКАЯНИЯ

— Вот вы, атеисты, говорите, что христианские таинства не делают человека лучше, добрее, возвышеннее. А ведь это не так. Возьмите, например, покаяние. Кается человек, освобождается от всего дурного, становится чище. Только христианство смогло дать людям такое возвышенное таинство,— сказал мне как-то один верующий человек.

Я хотел было возразить, но он остановил меня:

— Позвольте, я продолжу. Чтобы лучше пояснить мою мысль, хотелось бы обратить внимание вот еще на что. У вас, атеистов, есть такой принцип — критика и самокритика. Служит он для борьбы с недостатками. Дело это важное. Но ведь, наверное, не каждый доволен бывает, когда его критикуют. Не всякий может с легкой душой сам свои недостатки изобличить.

А у нас, верующих, человек идет на исповедь

добровольно. Никто его на цепи не тащит. И грехи-то верующий выкладывает сам. Чистосердечно и без утайки. Это тоже своего рода самокритика. Но добровольная, от сердца и души идущая. Как бы сам себя человек воспитывает.

Исповедуется верующий, получает отпущение грехов и возрождается духовно. Так чем же плоха христианская исповедь?

Наверное, и другие верующие могли бы привести подобные аргументы, связав оценку исповеди с вопросом о нравственном совершенствовании человека, с вопросом о том, как сделать человека добрее, совестливее, духовно красивее. Тема эта заслуживает самого пристального внимания. Но чтобы разобраться в ней, необходимо рассмотреть происхождение и существо таинства покаяния, условия формирования высоких нравственных начал личности и пути самосовершенствования человека.

Хотелось бы начать с того, что покаяние вовсе не исключительное достояние христианства. Исследования историков, этнографов нашей страны и за рубежом показывают, что обряды очищения от грехов были во многих религиях. И в существовавших за сотни лет до появления христианства, и в появившихся позже и неизвестных с христианскими таинствами.

Конечно, грех древние люди представляли несколько иначе, чем современные верующие. Для них это «нечистота», «скверна», как бы особое материальное вещество, проникшее в тело человека. Такое «случалось», если человек нарушал какой-либо запрет племени, съедал мясо священного животного, убивал соплеменника и т. п.

По мнению первобытных людей, попавшая в тело «нечистота» могла привлечь злых духов и нанести вред

и человеку, и всему племени. Поэтому «скверну» следовало любым образом удалить, извлечь из себя, выбросить, сжечь, утопить или «переложить» на какое-нибудь живое существо.

Особым почитанием пользовались у древних грозные стихии огня и воды. Они были источником их жизни. Но во время наводнений или пожаров несли опустошение и гибель. Люди верили в очистительную силу огня и воды, в их способность освобождать от «нечистоты». Для этого вырабатывались различные обряды омовения, очищения у пламени костров, окуривания.

В древности считалось, что **слово** тоже обладает великой магической силой. Для изгнания грехов нужно было предварительно назвать их вслух. Так зарождалась словесная исповедь. От древних египтян сохранилось описание специального исповедального обряда для покойников. Египтяне верили, что перед лицом богов во главе с Осирисом, в присутствии 42 судей (таково было число округов Древнего Египта) умерший должен был заявить: «Я не совершил греха, не заставил плакать и голодать, не убил», — и т. д. Затем на весах взвешивалось сердце исповедующегося. Если он говорил правду, то попадал в царство Озириса, если нет — его постигала суровая кара¹.

У инков в государстве Перу перед исповедью соблюдался пост. Покаяние происходило на открытом месте. Кающийся приносил разноцветные зерна маиса. Они символизировали его прегрешения. Мука из перемолотых зерен высыпалась на полированный камень, а кающийся садился перед исповедником. Кающийся восклицал: «Слушайте, скалы, окружающие

---

¹ См. **А. Донини**. Люди, идолы и боги. М., 1962, стр. 290.

меня, моря, птицы, я буду признаваться в своих грехах». После перечисления грехов назначалось наказание. Затем грешник сдувал разноцветную муку с камня: грехи улетали. После исповеди происходило сожжение одежды кающегося или его омовение в реке. Все это означало очищение от грехов¹.

К древнейшим формам покаяния относится очистительная жертва. В Древнем Вавилоне покаяние совершалось так. Кающийся признавался в своих грехах перед жрецом-заклинателем. Причем не только в содеянных, но и в тех, которые он мог совершить в будущем. В Новый год грехи всего народа «перекладывались» с помощью заклинаний на старого козла, которого потом с этим «тяжким бременем» прогоняли в пустынное место.

Сходный магический обряд существовал и в иудаизме. Он совершался во время праздника йом-кипур, что означает день покаяния, очищения, на десятый день после иудаистского Нового года. Послушаем, как повествуется об этом колдовском обряде в самой Библии: «...и от общества сынов израилевых пусть возьмет (из стада коз) двух козлов в жертву за грех... и возложит... обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню: и понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую... И тот, кто отводил козла для отпуска, должен вымыть одежды свои, омыть тело свое водою, и потом может войти в стан» (Левит, 16, 5—26).

---

¹ См. М. И. Шахнович. О «святой исповеди». М., 1940, стр. 7—8.

Кстати сказать, отсюда и пошло выражение «козел отпущения».

Видный итальянский историк религии Амброджо Донини отмечает, что представление христиан об агнце божьем, взявшем на себя все грехи человеческие, происходит от подобных обрядов. И действительно, в первые века христианства Иисус Христос часто изображался в виде агнца, ягненка. Только Трульский собор в 692 году определил: «..запечатлевать отныне на иконах по человеческому образу вместо древнего агнца... Христа бога нашего».

Христианские богословы всегда с нескрываемым презрением писали о дикарских языческих обрядах. С умилением противопоставлялись им «возвышенные» христианские таинства. Но если мы внимательно приглядимся к этим таинствам, то увидим, что своими корнями они уходят в язычество.

Речь идет у нас о покаянии. Давайте присмотримся к ритуальному действию, совершаемому во время исповеди. Вот побеседовал священник с кающимся, выслушал все его признания. Затем набросил на покорно склоненную голову исповедующегося епитрахиль — свой узкий передник с крестами.

Замер раскаявшийся грешник... Наступает самое трепетное мгновение покаяния — отпущение грехов. И вот прочел священник очистительную молитву, торжественно снял епитрахиль с головы кающегося — стала свободной его душа от грехов. От больших и малых, от всех грехов, которые произвел он «словом, делом или помышлением». Ликует верующий. Еще бы, ведь он духовно возродился, очистился от скверны.

А мы давайте спросим себя откровенно, разве это ритуальное действие православного священника по своему существу далеко ушло от тех действий, кото-

рыми колдуны язычников изображали извержение греха из тела кающегося? Или от сдувания разноцветной муки перемолотого маиса у инков? И то, и другое, и третье основано на вере в сверхъестественную магическую силу ритуального действия.

Да и покрытие головы кающегося тоже часть ритуала, сохранившаяся от дохристианских религий. Во многих очистительных обрядах язычников кающегося накрывали шкурой жертвенного животного и тем самым тоже как бы приносили в очистительную жертву. Все это означало мистическую смерть и возрождение кающегося. Римские жрецы при обращении к боже-ству закрывали голову покрывалом. Приверженцы иудаизма покрываются во время богослужения талесом — особым молитвенным покрывалом.

«Дикарь, обожествлявший все неясное и потому страшившее его, верил, что шаман, колдун (позднее — жрец) умеет лучше ладить с духами, богами; а коли так, то часть его особых, ведовских, священнических сил способна передаться от него к простому смертному; при этом, думал наш давний предок, могут оказаться благотворны особые слова и даже иные принадлежности колдуна. Вон откуда — через позднейшие культы Иудеи, Рима и Эллады — тянется ниточка и к разрешительной формуле христианского священника, и к золототканой его епитрахили»¹.

Вот какова подлинная родословная христианского покаяния!

И такая родословная не случайна. Все религии создавались самими людьми, но только в разное время и в разных условиях. Христианская вера сменила языческие представления. Но христианство впитало, сохра-

---

¹ А. Сулацков. Семь таинств. Алма-Ата, 1969, стр. 200.

нило многие представления и ритуалы язычества. А главное, осталась неизменной суть всякой религии: и там и тут люди поклонялись чудотворной, непостижимой, сверхъестественной силе, которую нужно задобрить дарами, чтобы обрести ее покровительство.

Однако вернемся к таинству покаяния. Посмотрим, когда же появилось оно в христианстве. Зарождавшееся христианство его не знало. Первоначальные христиане, беднота и рабы, страждущие и обремененные, обходились без покаяния. Они считали, что в их общины входят люди безгрешные, не способные нарушать божественные установления.

Христианские общины росли. В них вливались и члены мессианистских сект иудаизма, и приверженцы восточных и греко-римских религий, и выходцы из более состоятельных слоев. Из последних стали избираться, а потом назначаться епископы, которые руководили общинами и постепенно забирали в них власть в свои руки.

Потребовались и новые дисциплинарные меры. Епископы стремились укрепить власть над паствой, а для этого надо было постоянно контролировать мысли и поведение верующих. Этой цели и послужила исповедь. И ввести ее было нетрудно: в разных формах она была в тех религиях, элементы которых вобрало в себя христианство.

Вначале покаяние было публичным. Грешник каялся в присутствии членов общины, епископ назначал наказание за грехи.

Но общины росли, исповедовать всех публично становилось трудно. Епископы стали назначать особых исповедников, которые принимали покаяние в небольших грехах, особенно у тех, кто боялся огласки. По-

степенно тайная исповедь вытеснила публичную. Вначале она утвердилась в монастырях.

Каким великолепным орудием контроля над помышлениями и поступками монахов она оказалась! Ежедневная исповедь в грехах. Свершенных или только помысленных. И бесконечное самовопрошание, выворачивание себя наизнанку: не грешу ли я? Все это создавало у них ощущение растерянности, неустойчивости, постоянной вины перед богом. Рабской зависимости от него. И полного отречения от самого себя.

Церковные иерархи прекрасно понимали, какую духовную власть над верующими дает им покаяние. Эту власть использовали в своих интересах и светские государи. В 1215 году на Латеранском соборе католической церкви тайная исповедь была окончательно узаконена. В русской православной церкви тайная исповедь утвердилась в XVII столетии при активной поддержке царской власти.

Таинство исповеди превращалось в одно из тайных средств политического контроля.

Вспомним заключительные сцены книги, которая уже более восьмидесяти лет волнует умы и сердца людей,— книги Э. Л. Войнич о полной страданий и героизма жизни и смерти Овода, мужественного, гордого революционера, все помыслы которого были поглощены одной все сжигающей страстью — борьбой за освобождение отечества, народа.

Бесстрашный Овод погибает. Он сам во время казни командует «пли!» солдатам, которые от волнения едва держат ружья в руках. Овод смертельно ранен. «Священник нагнул над умирающим и приложил распятие к его губам:

— Во имя отца и сына...

Овод приподнялся, опираясь о колено врача, и ши-

роко открытыми глазами посмотрел на распятие. Потом медленно среди мертвой тишины поднял простреленную правую руку и оттолкнул его. На лице Христа остался кровавый след.

— Padre... ваш бог... удовлетворен?»

Этот вопрос был обращен к кардиналу Монтанелли, его горячо любимому отцу. Овод победил в споре с ним. Он не пошел ни на какие сделки с совестью. Даже ради спасения собственной жизни. Он остался до конца верен идеалам непримиримой борьбы со злом. Его дело непобедимо, и в нем бессмертие Овода.

А Монтанелли осознает тщетность своей жертвы. Ведь он ради спокойствия в городе согласился на военный суд над Оводом. Кардинал Монтанелли отрекается от веры.

В книге рисуется полная драматизма сцена этого отречения. Во время богослужения в соборе Монтанелли обращается к верующим:

«— Я смотрел на вас сегодня, когда мы шли торжественной процессией, и видел, как ликовали вы в сердце своем, что отпустятся вам грехи ваши, и радовались своему спасению. И вот я прошу вас: подумайте, какой ценой оно было куплено. Велика его цена! Она превосходит цену рубинов, ибо она цена крови...

Вы убили, убили его! И я допустил это, потому что не хотел вашей смерти. А теперь, когда вы приходите ко мне с лживыми славословиями и нечестивыми молитвами, я раскаиваюсь в своем безумстве! Лучше бы вы погрязли в пороках и заслужили вечное проклятие, а он остался бы жить. Стоят ли ваши зачумленные души, чтобы за спасение их было заплачено такой ценой?

Но поздно, слишком поздно! Я кричу, а он не слышит меня. Стучусь у его могилы, но он не проснется. Один стою я в пустыне и перевожу взор с залитой кровью земли, где зарыт свет очей моих, к страшным, пустым небесам...»

Монтанелли схватил ковчег со святыми дарами и с размаху бросил на пол. Металл зазвенел о каменные плиты.

Но трагическим сценам гибели Овода и отречения кардинала предшествует в начале книги событие, с которым они связаны. Это исповедь молодого и наивного студента Артура Бертоне, будущего Овода.

«— Сын мой,— медленно, серьезно заговорил отец Карди после минутного молчания,— вы не все мне открыли. У вас на душе есть еще какая-то тяжесть.

— Отец, я...

Артур запнулся. Исповедник молча ждал.

— Я позавидовал ему (товарищу.— С. М.) потому, что организация... «Молодая Италия», к которой я принадлежу...

— Да?

— Доверила ему одно дело, которое, как я надеялся, будет поручено мне... Я считал себя особенно пригодным для него.

— Какое же это дело?

— Приемка книг с пароходов... политических книг. Их нужно было взять... и спрятать где-нибудь в городе».

Артур открыл на исповеди тайну организации «Молодая Италия». Он и его товарищи были арестованы, но Артура вскоре отпустили. На него пало страшное подозрение. Артур уезжает в Южную Америку и начинает свое хождение по мукам. Возвращается он уже мужественным Феличе Риваресом, получившим про-

звище Овод. Он беззаветно отдается борьбе за свободу Италии и стойко переносит тягчайшие испытания.

Да, в руках духовенства таинство покаяния являло собой большую силу. Политическую и духовную. Ведь с помощью исповеди церковники могли контролировать самые сокровенные думы и чаяния верующих, воздействовать на них, узнавать различные тайны, даже государственные. Таким путем церковь укрепляла свое положение в обществе.

Отпущение грехов было важным источником доходов для церкви. Католические иерархи установили специальный преysкурant за отпущение совершенных грехов. Можно было даже запастись отпущением будущих грехов. За определенную мзду выдавалась специальная грамота — индульгенция. Жаждающих получить отпущение грехов убеждали следующим образом: «Покупайте индульгенции. Индульгенция отпускает все грехи, прошлые, настоящие и будущие, вольные и невольные, даже замышляемые наперед».

В одной из сцен «Фауста» Гёте изобразил, как церковь предъявляла солидный счет за покаяние даже сильным мира сего. Архиепископ упрекает императора, что он дал волшебнику Фаусту пустынный берег моря, который тот хочет превратить в плодородный и привольный для людей край. За отпущение грехов архиепископ требует от императора:

Отдай ты гору нам, и лес вокруг пространный,
И этот тихий дол с соседнею поляной,
Озера, рыбою богатые, твои,
И с гор бегущие прозрачные ручьи.
Все это церкви дай ты в полное владенье:
Тогда, покаявшись, получишь ты прощенье.

Доходной статьей была исповедь для церкви и в царской России. Вплоть до последнего десятилетия

XIX века в православных церквях ставились специальные блюда, куда исповедовавшиеся должны были класть приношения.

Достаточно послушать вопросы, которые ставились исповедниками, чтобы понять, кому служило покаяние. Их интересовало весьма многое из жизни верующих: почитают ли они царя, хозяев и начальников, исправно ли платят подати, относятся ли с почтением к церкви и своим пастырям, не интересуются ли «пагубными» революционными и атеистическими учениями...

Этот многосторонний и определенно направленный интерес свидетельствует, что церковные иерархи видели в покаянии важное средство неусыпного контроля над думами и устремлениями трудящихся.

В 1896 году костромской архиепископ Платон выпустил в свет свой труд в двух частях «Напоминание священнику об обязанностях его при свершении таинства покаяния». Архиепископ поучал, как надо исповедовать господ и слуг, купцов и ремесленников, молодых и старцев, больных и глухонемых. Следует принимать в расчет темперамент кающегося. С сангвиником надо быть особенно ласковым, с холериком — особенно терпеливым, меланхолика увещевать осторожно, а флегматика наставлять мало-помалу.

Он требовал всенепременно «немедленно довести до сведения начальства» о замыслах бунтовщиков, слугам внушать совершенное послушание господам, бедных убеждать, чтобы они довольствовались своим состоянием и безропотно несли свой крест.

И осужденного на смерть не упустил из виду архиепископ: «У осужденного на смерть духовник должен узнать, не имеет ли преступник ненависти против судей или донесших на него правительству и убедить

отложить всякое неприязненное чувство к нему из любви к Христу» (ч. II, стр. 196).

Существовали специальные исповедальные вопросы для нижних воинских чинов, художников, адвокатов. Были разработаны подробные вопросы и для детей, которые уже с семилетнего возраста должны были каяться в грехах. В изданных в 1897 году протоиереем Гр. Дьяченко «Вопросах на исповеди детей» содержатся такие вопросы: молишься ли за царя? Повинуешься ли с любовью высоким властям, от него поставленным?

По существу дела, исповедь стала при царизме государственной повинностью. Уклонение от нее грозило лишением или ограничением гражданских прав: затруднением при поступлении на работу, в учебное заведение, при вступлении в брак, запрещением быть свидетелем на суде и т. п. Везде могли потребовать справку о покаянии. О неисповедовавшихся священники доносили церковным властям, которые предписывали наложение епитимий — церковных наказаний. Одним из распространенных наказаний были штрафы. О «злостных» уклонениях от исповеди церковники доносили царским властям. Таких людей ссылали в Сибирь или подвергали заключению в монастырские застенки — каменные мешки, подвалы.

Исповедь активно использовалась церковниками для выявления «преднамеренных злодейств против службы государевой или церкви». Священник со спокойной совестью нарушал тайну «святой исповеди», признавая покаяние «несовершенным», и доносил властям об услышанном.

Есть у писателя А. Серафимовича рассказ «Бунт». Повествуется в нем о том, как один помещик очень притеснял крестьян. А тут еще в неурожайный год ве-

лел всю аренду взыскать. Стон и плач стоит на деревне. И вот загорелись скирды необмолоченного хлеба, барская усадьба. Стали дознаваться, виновных искать. Следователь приехал с казаками, а священник пугал страшным судом. Все ничего.

И вот пришел великий пост. Началась исповедь перед причащением. «...Поп накрывает епитрахилью и скороговоркой (очередь-то исповедников — страсть!) спрашивает грехи. Ох, много у крестьянина грехов, на воз не наберешь. А поп уже: «Отпускается и разрешается... во имя отца и сына...»

И начинают верить крестьяне: все несчастья, все горести, все беды, все разорение — от грехов; кабы не грехи, жили бы беспечально...

Подошла хромого баба, положила поклон, накрыл поп и слышит — шепчут истомленные, истрескавшиеся бабьи губы:

— Грешная... грешная... грешная, батюшка.

А поп строго:

— Помни, грех смертный на исповеди перед самим невидимо присутствующим богом укрывать грехи.

И загремел поп божеским гневом:

— Проклятие господне незамолимое на том, кто перед господом не откроет свою грешную душу!

Потом опять заговорил ласково и внушительно:

— Не палил ли твой муж бариновы скирды? Не резал ли сиськи помещичьим коровам? Не поджигал ли усадьбу?

Задрожала баба, от пят до головы задрожала... Стоит баба ни жива ни мертва. И так рванулось сердце у ней, а вдруг скажет она последний страшный грех, очистится душа, как говорил батюшка, от всякия скверны, и господь оглянется на них, снимет все тягости, все

горести, все бедствия-несчастья, всю нищету снимет со всей деревни, и перестанут умирать от голоду ребяташки, перестанут их бесперечь таскать на погост, перестанут маяться неизбывной маятой крестьяне и бабы, вздохнут все.

И закапали у бабы слезы, закапали под епитрахилью — замученные вековечные бабьи слезы, закапали ей на руки, на аналой, на крест, на евангелие, а поп к самым губам ухо протянул. Ах, бабочка сердечная, али не прожгут твои слезы креста медного, золоченого, не прожгут насквозь до самой земли!

И прошептали ее уста:

— Грешен, батюшка, резал, поджигал.

— А еще кто?

— Еще, батюшка, Микитка Ржаной.

— Еще кто?

— Еще Федор Кривой.

— Сколько всех человек?

— Пятнадцать, батюшка, пятнадцать.

— Кто да кто?

— И Иван Косой, и Володька Притыкин, и... пятнадцать, всех пятнадцать,— пересчитала бабочка,— пятнадцать.

Заспешил поп, засуетился,— исповедников эва сколько ждет.

— ...Отпускается и разрешается... во имя отца...

Идет бабочка, земли под собой не чуёт: снял батюшка с них грехи, теперь господь оглянется. А в сердце занозина, тонкая занозина: болит сердце. И с чего бы сердцу болеть, коли снял господь грехи?

Через три дня арестовали хромого солдата, и Микиту. Ржаного и Федора Кривого, и всех пятнадцать человек».

Конечно, верующий человек может возразить, что

все это относится к прошлому времени, когда господствующие классы могли использовать исповедь в своих реакционных целях. Это действительно так. Но взгляд в прошлую историю необходим, чтобы рассмотреть всесторонне любое явление в жизни человеческого общества. Нужно понимать, как оно возникло, изменялось, кому служило.

Без сомнения, главное для нас — современность. И теперь мы можем обратиться к тому, чем является религиозная исповедь в нашей жизни.

УСЫПЛЕНИЕ СОВЕСТИ И АМНИСТИЯ ПОРОКОВ

Христианские богословы отводят покаянию исключительную роль в духовной жизни верующих. Они заявляют, что покаяние — это «внутреннее изменение», «переоценка всех ценностей души», «преображение человека». По церковному учению, при таинстве покаяния верующий освобождается священником от грехов за счет искупительной жертвы Иисуса Христа. Считается, что грехи при этом «делаются совершенно уничтоженными, как бы их вовсе не было», а исповедующийся «духовно возрождается».

«...Что было бы с нами, если бы не было этого таинства? — вопрошает один православный богослов. — Мы были бы духовными мертвецами, трупами, не способными ни к чему доброму!» Без таинства покаяния невозможны для верующего спасение и жизнь вечная — таков итог рассуждений богословов об исповеди.

Защитники религии говорят, что верующий идет на исповедь добровольно, никто его на цепи не тащит. Это не совсем так. Архиепископ Платон в своем двухтомном труде об исповеди — мы уже упоминали о нем — специально выделяет то, что побуждает верующих к покаянию. Это страх перед грядущим судом Иисуса Христа, страх геенны огненной на том свете, библейские примеры грозного божьего суда и ожидание возможных сверхъестественных милостей.

Вот, оказывается, какая цепь тянет христианина на исповедь: страх наказания в аду и надежда попасть в рай. Имя этой невидимой, но могучей цепи — страх и надежда.

Очень образно писал об этом замечательный французский философ К. Гельвеций: «Во все времена духовенство желало быть могущественным и богатым. Каким путем добилось оно этого? Продажей страха и надежды... Но кому продавать страх? Грешникам. Кому продавать надежды? Кающимся. Убедившись в этой истине, духовенство поняло, что покупателей тем больше, чем больше грешников... Грешник становится рабом попа».

В этих словах схвачено существо дела. Именно представление о собственной греховности является той уздой, которая прочно привязывает верующего к церкви и делает его духовным рабом священника.

Надо сказать, идея всеобщей человеческой греховности занимает центральное место в христианских нравственных поучениях. И это не случайно. Она связана с одним из основополагающих догматов христианской веры — догматом искупления. По христианскому учению, «первородный грех» Адама и Евы столь сильно извратил нравственную природу людей, что вызвал у них постоянное и неодолимое стремление к

злостованию, порокам, дурным страстям. Вследствие этого наследуемого всеми поколениями греха люди стали морально неполноценными, духовными калеками. И хотя жертвенная смерть Иисуса Христа искупила все прежние грехи рода человеческого, люди грешат вновь и вновь.

Человек немощен, неискоренимо порочен, не способен собственными силами, волей противостоять злу. Таков лейтмотив христианского учения о всеобщей греховности. Как же тогда спастись несчастному грешнику в мире, этой юдоли плача, греха и соблазна? Или он бесповоротно обречен на гибель? Нет, говорят церковники, спастись можно, приди грешник в храм божий, покайся, получи отпущение всех грехов и надейся на спасение, на райские кущи.

Да, сознание собственного ничтожества и необходимости покаяния крепко связывает верующего с церковью.

Кстати сказать, нельзя, на мой взгляд, согласиться и с тем утверждением, будто верующий на исповеди выкладывает грехи сам. В основном он отвечает на вопросы исповедника о нарушении заповедей. Причем часто толком не знает ни содержания заповедей, ни даже того, нарушил ли их он или нет.

Журналист А. Сулацков в своей книге о христианских таинствах так воспроизводит процедуру общей православной исповеди, которая подтверждает сказанное: «Помню, в балхашской церкви Николы-угодника духовник, например, спрашивал:

— Не прегрешил ли кто против первой заповеди?

Чувствовалось, что далеко не всем уже известно, что там в первой, а что во второй и так далее. И священник повторял вопрос популярнее:

— Не забыл ли кто во многопопечительных делах

житейских первойшую заповедь: аз есмь господь бог твой?

И вздыхала толпа:

— Грешны, батюшка.

— А не входил ли кто в соблазн,— продолжал духовник, оставляя в небрежении вторую заповедь: не сотвори себе кумира и всякого подобия?

И опять ответом было многоустрое вздыхание:

— Грешны, батюшка.

Уж так повелось по церквям: что ни вопрос, один ответ — покаяние во греховности. Принято считать, что промолчать на вопрос — гордыню проявить. Блаженны-то плачущие да кроткие...»¹

Конечно, все сказанное не означает, что у верующего человека, кроме страха и надежды на воздаяние, нет побудительных мотивов для исповеди. Есть у него, бесспорно, стремление к очищению своей совести от всего плохого, к нравственному совершенствованию.

Все дело только в том, на какую цель они направлены, в каких формах реализуются. Если мы послушаем проповеди даже современных христианских пастырей в храмах и молитвенных домах, то узнаем, что люди на земле временные гости, странники, бродящие в потемках на чужбине и тоскующие по своей истинной отчизне — небу. Что главной целью всех устремлений верующих должно быть спасение собственной души для жизни загробной.

Конечно, христианские пастыри не отрицают того, что верующий может иметь земной кров, семью, близких, профессию. Но все это дела второго сорта, мирская суета в сравнении со спасением своей души.

Такова главная мировоззренческая установка, кото-

---

¹ А. Сулацков. Семь таинств, стр. 167.

рую утверждает в сознании верующего христианское учение. Установка, определяющая понимание всего смысла жизни. Причем оказывается, что этот смысл находится где-то вне действительной человеческой жизни. Скажу прямо: уж очень эгоистичным, корыстным выглядит этот «смысл» — спастись самому, прежде всего самому. Верующий как бы провозглашает: в этой называемой жизнью пустыне эгоизма я только за себя!

«Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем я?» — так древний мудрец охарактеризовал бессмысленность устремлений человека, который только за себя. За свое безлюдье.

Итак, грешник приходит на исповедь, руководствуясь мыслями о собственном ничтожестве и необходимости спасения своей души. Однако, какой бы тяжкий груз грехов он ни нес с собой, кающийся заранее уверен, что обязательно получит прощение. Причем грехи будут отпущены не как-нибудь, с оговорками, а раз и навсегда. И священник знает заранее, что отпустит все грехи.

Ведь, по христианскому учению, милосердие божье безмерно. Нет такого греха, заявляют богословы, который не может быть прощен кающемуся, кроме сомнения в милосердии божьем, ибо это есть «хула на духа святого». Любому закоренелому грешнику будут отпущены и мелкие пороки, и тяжкие преступления. Конечно, если он смиренно покается. Главное, чтобы грешник не отчаивался, уповал на безграничное божье милосердие.

Да и как не уповать: говорил же Иисус Христос, что грешнику надо прощать не «до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Матфей. 18:22). А богослов Иоанн Златоуст так поучал грешника: «Ты грешен? Не отчаи-

вайся. Скажи богу твоему: «согрешил я». Что за труд в этом? Какая скука, какая тяжесть сказать одно слово: согрешил я!.. Ничего иного от тебя не требую... Скажи слово, объяви грех (служителю божью), признайся во грехе и скажи: «согрешил я», — и ты разрешишься от греха...»

Поучая, как надо каяться, тот же Иоанн Златоуст писал: «Плачь — и разрешишь свой грех. Трудно ли это? Я ничего больше не требую, как только плакать о своем согрешении. Я не говорю тебе: измеряй глубокие моря, избирай себе пристани, или путешествуй, отправляйся в далекие неведомые страны, теряй деньги, вверяй себя свирепым волнам; — а что говорю? Только плачь о грехе».

Проповедь всепрощения, конечно, не может способствовать укреплению высоких нравственных качеств, чувства долга и ответственности перед обществом. Наоборот, надежда на прощение без особых трудов может стать для нестойкого в моральном отношении человека толчком к дурным поступкам.

«...Злодей, у которого сильные страсти в слабой душе, часто сбивается с пути уверенностью в прощении, отпускаемом священниками. Каким бы огромным множеством преступлений вы ни были осквернены, исповедуйтесь мне, и все будет прощено вам в силу подвигов человека, который был в Иудее много веков тому назад. Погрузитесь после этого семью семьюдесят семь раз в новые преступления, и снова все будет вам прощено. Разве это не значит поистине вводить в искушение? Разве это не значит расчищать все пути злу?»

Так метко заметил Вольтер.

В одной из своих книг бывший профессор богословия, порвавший затем с религией, А. А. Осипов приво-

дит такой факт. Когда он был служителем церкви в буржуазной Эстонии, ему пришлось видеть в тюрьме «детораствителя, который, лицемерно закатывая глаза и крестясь, с явным удовольствием вороша в себе всю мерзость своей душонки, рассказывал в подробностях, как он заманивал и насиловал малолетних девочек... Смаковал свои преступления и тут же торопливо добавлял: я не каюсь... Это я уже говорил на исповеди, это уже прощено... Так вот, перед законом отвечать за последние прегрешения приходится — сижу, а перед богом я уже чист...

Что может быть страшнее такого успокаивающего преступную совесть «таинства»...»

Так человек, совершивший тягчайшие преступления, может успокаивать себя и тем, что все грешны и он не хуже других, и тем, что покаяние снимает все грехи навсегда. Что из того, в конце концов, что он грешен? Ведь в Библии сказано, что «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девятиста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лука. 15:7).

Главное, чего требуют пастыри от верующего,— это смиренного покаяния, сознания собственного ничтожества и бесконечной вины перед богом. И боже упаси иметь чувство гордости.

Как отмечает советский исследователь Н. С. Гордиенко, для современных христианских проповедников «человек, ведущий высоконравственный образ жизни и гордящийся этим, в религиозно-нравственном отношении стоит неизмеримо ниже самого закоренелого негодяя, проявляющего смирение перед богом и обращающегося к господу со словами покаяния, с просьбой о прощении».

Напомню известную евангельскую притчу о мыта-

ре и фарисее. Два человека вошли в храм помолиться: один — мытарь, другой — фарисей. Фарисей благодарил бога, что он «не таков, как прочие люди», мытарь же, «ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лука. 18: 10—13).

Мытарь получил от бога оправдание. Но не потому, что осознал свою вину перед теми, кого нещадно грабил, притеснял, обездоливал. Их бедствия его совести не укор. Мытарь очистился от грехов только потому, что слезно и смиренно каялся перед богом.

А вот фарисей оправдания не получил. Хотя зла людям не чинил, вел образ жизни по своему времени нравственный, был праведен. Почему же так? Только из-за собственной гордости, сознания своего нравственного превосходства над подлецами и негодяями.

Такое отношение христианства к человеческой гордости, сознанию собственного достоинства не случайно. Ведь гордый человек — это сильный человек, мужественный, уверенный в себе, в своих нравственных началах, направленных против зла, служащих интересам добра и справедливости. Зачем этому человеку мысли и чувства о своем ничтожестве, духовной нищете, никчемности? Нет, гордый человек не нужен христианству.

Идея всеобщей и неискоренимой греховности, проповедуемая христианством, вредна еще вот в каком отношении. Христианские пастыри считают грехом все: мелкий проступок как результат легкомыслия, незначительную человеческую слабость, серьезную провинность, тяжкое преступление. Все это грехи, и любой грешник виноват перед богом и нуждается в оправдании.

В «Журнале Московской патриархии» была даже опубликована статья, проводящая мысль о равноцен-

ности всяких грехов. В ней говорилось, что как килограмм небольших камешков весит столько же, сколько один килограммовый камень, так и сумма малых грехов столь же предосудительна в глазах бога, как и один большой грех¹.

Такое уравнивание неравноценных по своему содержанию и последствиям проступков неправомерно в моральном отношении. Мелкие недочеты и слабости хорошего человека приравниваются на чаше весов человеческого осуждения к преступлению злодея.

И мне хочется опять отметить, что такой оценочный подход богословов не случаен. Христианству нужен грешник, только грешник. Набрасывая на людей обезличивающее одеяние презренных грешников, богословы и проповедники стремятся превратить их в послушных овец божьего стада.

Ну а как быть с утверждением, что, дескать, верующий как бы сам себя критикует и совершенствуется? С ним согласиться никак нельзя. Давайте посмотрим, как протекает исповедь.

Исповедник ставит стереотипные вопросы. Они, как правило, касаются десяти ветхозаветных заповедей и новозаветных заповедей блаженства, называемых так потому, что каждая начинается со слова «блаженны». Эти вопросы настолько привычны для духовника, что он произносит их автоматически.

В разговоре со мной об исповеди один пастырь как-то сетовал: тяжело, мол, и утомительно переспрашивать об одном и том же десятки людей подряд. Действительно, где уж тут быть пламени, испепеляющему нравственные пороки!

Ну а верующий? Он тоже приучается к односложно-

---

¹ См. Н. С. Гордиенко. Чему учат с амвона. Л., 1975, стр. 96.

му автоматизму ответов: «грешен», «грешен», «грешен». Для многих верующих исповедь становится со временем формальным актом, не вызывающим особых волнений.

Бывший ксендз и преподаватель духовной семинарии Ионас Рагаускас в своей очень искренне написанной книге рассказывает, как ему, только что прибывшему в приход молодому ксендзу, очень хотелось выслушать исповедь своего коллеги. Какое это должно быть возвышенное покаяние, казалось ему.

«И вот он наконец,— вспоминает Рагаускас,— мой первый кающийся в сутане! Знакомый молодой священник из соседнего прихода прибежал во время престольного праздника к моим услугам. После этой исповеди мои щеки горели, как после оплеухи... Меня не столько поразили сами грехи, сколько то обстоятельство, что о своих тяжких преступлениях *contra sextum* (против шестой заповеди — «не прелюбодействуй». — С. М.) ксендз рассказывал, ничуть не волнуясь и не стесняясь, словно признавался в том, что выкурил сигарету. Даже тон исповеди, которую он закончил привычным: «Больше ничего не помню, каюсь, прошу разрешения», — яснее ясного свидетельствовал о том, что выполняется обычная формальность. Уста глаголят, а сердце и разум немы...»

Еще более формальный характер носит практикуемая ныне в православных храмах общая исповедь, когда каются одновременно несколько человек. Священник перечисляет длинный список грехов, а верующие возгласом «грешен, батюшка» отмечают тот грех, в котором считают себя повинными.

Конечно, я не хочу сказать, что на исповеди у верующего нет глубоких переживаний. Все это бывает у искренне верующего человека. Но дело все в том, что

сам характер христианского покаяния, возможность постоянного и сравнительно легкого искупления грехов не способствует подлинному раскаянию.

Волнения же кающегося часто вызваны самой процедурой покаяния. Ведь по церковным правилам исповедующийся должен рассказать буквально о всех своих грехах. Католическая церковь, например, обязывает верующего сообщать самые мельчайшие подробности, приведшие его к тому или иному греху; иначе исповедь недействительна и спасения нет.

В одной католической книге священник поучает «осторожно и толково выведывать и те грехи, которые бы хотели скрыть из стыда». Чтобы, боже упаси, не забыть какого-либо греха, христианские пастыри разработали длиннейший список, куда занесены всевозможные человеческие пороки. Священник спрашивает о них верующего, и тот часто может узнать из уст служителя бога о пороках, о которых раньше не имел никакого представления.

Эти по существу своему безнравственные вопросы унижают верующего, превращают исповедь в духовную пытку, мучительное копание в его душе.

Особенно тяжела может быть исповедь для женщин и девушек. Они должны допустить незнакомого мужчину (хоть в данном случае он и считается посредником между ними и богом) в свой интимный мир, раскрыть сокровенные мысли и чувства. Должны позволить незнакомому мужчине задать любой вопрос.

Один католический богослов писал по этому поводу: «Большинство кающихся женщин говорили мне, что исповедь доставляет им более ужасные и отвратительные муки, чем смерть на пылающем костре».

Две идеи пронизывают христианское таинство по-

каяния. И обе не способствуют укреплению моральных устоев.

Одна провозглашает, что порочность, греховность являются неотъемлемым свойством человеческого существа. Получается, что пороки, дурные поступки неизбежны. Недаром по православным канонам нельзя, чтобы исповедующийся не обнаружил у себя ни одного греха. Тогда он не получил бы отпущения и спасения.

Интересен рассказ одной верующей женщины, очень честной и правдивой, о том, как священник убедил ее, что грех неизбежен: «Никогда я не воровала, не прелюбодействовала, не обижала близких и знакомых, не лгала, честно работаю. Священник на исповеди спрашивает: не грешна ли? Говорю, что не грешна и не желаю возводить на себя поклеп. А священник, видно, осерчал, да и говорит: «Неправда твоя, раба божия Домна! Все мы грешны. Поэтому молись богу». Тут я уже и смирилась».

Так покаяние делает верующего рабом сознания своей греховности.

Христианское учение о всеобщей греховности создает у верующих убеждение, что грехов никак не избежать. Тем более, что они зачастую объявляются результатом «бесовских наваждений» и «дьявольских искушений». А иногда и «божеского попущения». Отсюда и возник, очевидно, тот безнравственный принцип, который выражается в словах: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». Короче говоря, без греха нет и спасения.

Этак можно и все антиобщественные явления: воровство, бесчинство, пьянство — признать неотвратимыми, а вину переложить на каких-то мифических сверхъестественных соблазнитель.

Другая идея, лежащая в основе христианского покаяния,— идея всепрощения. Грех не страшен. От любого греха можно откупиться. Помолиться, попоститься, поставить в церкви свечку потолще. В былые времена богатеи, фабриканты и купцы, наживавшие богатство на горе и слезах трудового народа, откупались пудовыми свечами. Ставили их в храмах.

Уверенность во всепрощении создает у верующего привычку к легкому, необременительному освобождению от грехов. Формируется сознание безнаказанности любых проступков, которое не оставляет места глубокой душевной тревоге. Кроме того, человек, столь легко «преодолевающий» в себе зло, кажется себе самому высоконравственным. Так возникает иллюзия собственного совершенства. Иллюзия, сеющая в сознании верующего опасные семена уверенности в своем превосходстве над «другими» — иноверцами и неверующими. Семена самодовольства и самоуспокоенности. Равнодушия.

Нет, не пробуждает христианское покаяние совесть человека, этот «орган» его гражданских чувств. Оно усыпляет ее, способствуя бездумности.

Духовные штампы могут постепенно загасить у человека стремление к критической оценке своего нравственного облика. Самоанализ, внутренняя работа души, нравственная самокритика, совесть как внутренний судья — все это становится ненужным. Зачем? Ведь я — только подсудимый. А судья — это священник, действующий от имени какой-то внешней силы.

Так исповедь оказывается одной из форм духовного рабства, душевной несвободы человека. Его самоотречения от самого себя. А христианское самосовершенствование сводится к воспитанию у верующих кротости, смирения, сознания собственного ничтоже-

ства, стремления к самоуничтожению — качеств, которые не способствуют формированию у человека активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу...

Отвергая идею и чувство греховности, как унижающие человека, мы вовсе не отрицаем важности для его совести чувства вины. Об этом чувстве очень хорошо сказал наш замечательный педагог В. А. Сухомлинский: «Чувство вины — благородное чувство воспитанного человека. Не переживает вины только дурак и дремучий нравственный невежда.

Чувство вины — не самобичевание, а угрызения совести, стремление к нравственной незапятнанности и порядочности».

Весь вопрос в том, перед кем человек должен испытывать чувство ответственности и вины. Ведь покаяние — это признание своей вины перед богом, а не перед людьми, обществом. Разве священнику нужно знать, чтобы дать разрешение от грехов, что представляет собой кающийся, как он трудится, относится к товарищам, семье? Отнюдь нет. Все это с христианской точки зрения дело второстепенное. Самое важное — что он кается перед богом. Именно с этой позиции пастыри и оценивают греховность или праведность человека, признавая тем самым, что им фактически безразличен его гражданский облик.

Убеждение в том, что он ответствен прежде всего перед богом, ослабляет связи верующего с обществом, чувство долга и ответственности перед людьми. Ослабляется то, что в действительности как раз и воспитывает высокие нравственные качества, удерживает от дурного, способствует духовному совершенствованию. Ведь люди в своей жизни, практической деятельности принимают в расчет прежде всего реальные об-

щественные отношения, земные интересы, силу общественного мнения.

В книге И. Рагаускаса — я уже упоминал о ней — приводится спор двух ксендзов о том, способна ли религиозная вера удерживать людей от дурных поступков. Один считает религию основой моральных устоев, и, по его мнению, «вера в бога, который не только воздаст за добрые дела, но и карает за грехи, удерживает от многих преступлений».

Ему возражает другой, разуверившийся в благотворной роли религии, ксендз: «...роль главного жандарма вовсе незаслуженно отводится господу богу, жандарм из него неважный. Рядового полицейского человек боится куда больше... Когда ксендз заводит шашни с какой-нибудь дамочкой, чего он больше всего боится?.. Священник больше всего боится ее мужа! Он боится также, чтобы о его подвигах не пронюхали святоши-богомолки... И уж меньше всего ксендз боится в таких случаях вездесущего всевышнего, не правда ли... Я взял священника для примера. Он ближе к богу и ежедневно общается с ним. Поэтому он должен быть самым богобоязненным среди верующих. Между тем ксендзы, прежде чем согрешить, хорошенько озираются, не смотрят ли люди, а всевидящее око бога отнюдь не стесняет их. Точно так же поступают и миряне. А какой вывод должны мы сделать из этого? Вывод такой. Вера не удерживает от дурных поступков и преступлений. Человек в своей практической деятельности считается прежде всего с реальными, а не с абстрактными потусторонними силами».

Глубокие и высокие внутренние побуждения человека, строгая внутренняя самокритика, совесть, ответственность перед людьми являются могучими факторами нравственного совершенствования.

Совость человека может быть великаном.

Совость человека может быть карликом.

А совость-карлик, как писал В. Гюго, легко превращается в пресмыкающееся. Христианская исповедь может способствовать превращению совости человека в карлика.

Зато чувство ответственности и долга перед людьми, работа внутреннего контролера человека — совости прочно удерживают людей от дурных поступков, даже от преступлений.

Вспоминается мне прекрасный рассказ Василия Шукшина «Сураз». Сураз — это деревенское прозвище Спиридона Расторгуева. Был он в расцвете сил. Поразительно красив, глаза ясные, умные, лицо смуглое, сросшиеся брови, как два вороньих крыла, размахнулись в капризном изгибе. Только красота была ему без нужды. Он и сам говорил: «Это мне до фени». Ему все «до фени». Жил бездумно, несуразно. Ни семьи, ни хозяйства. Шоферил. Выпивал, но напивался редко. Любил матерщинничать да шастать к одиноким бабам. Мог быть и дерзким, и неожиданно добрым.

По весне приехали в село два новых учителя, муж и жена. Сергей Юрьевич — учитель физкультуры, Ирина Ивановна — преподаватель пения. Пришел Спирька в гости. Посидел, выпил. Понравилась ему Ирина Ивановна, изящная, ладная. Пришел другой раз, с букетом. Потянуло что-то к ней. Посидел, потом взял за руку, обнял. Вдруг появился Сергей Юрьевич. Схватил Спиридона за шиворот, выволок на крыльцо. Рука-то как железная, не вырваться.

Никто никогда еще не обращался так со Спиридonom. Запыхала у него в груди злоба. Решил: «Убью!» Кинулся домой за ружьем и опять в избу, где снимали

комнату учителя. Только одна мысль свербила, не мог от нее отвязаться,—мысль о матери. Не выдержит она, как поведут его связанного. Как увидит — не перенесет. Вошел Спиридон в избу, тихонечно в горницу. Супруги уже легли спать. Дальше события развернулись так.

«Супруги молчали. Смотрели на Спирьку.

— Вылазь из кровати,— велел Спирька.

— Спиридон... тебе же будет расстрел, неужели...

— Я знаю. Вылазь.

— Спиридон! Неужели...

— Вылазь!

Сергей Юрьевич спрыгнул с кровати — в трусах, в майке.

Спирька вскинул ружье.

Сергей Юрьевич мертвенно побледнел...

И тут вдруг закричала Ирина Ивановна, да так ужасно, так громко, неистово, требовательно, так не похоже на себя — такую маленькую, умненькую, с темными мягкими губами — как-то уж совсем нечеловечески горько, отчаянно. И свалилась с кровати, и поползла, протягивая руки...

— Не надо! О-о-о-й!! Не надо! О-о-о-й!..— И хотела схватить за ружье — на коленях — хотела...

Тут Сергей Юрьевич прыгнул на Спирьку, широко расставив руки. И получил удар прикладом в грудь, и свалился.

— Родно-ой!.. Не надо! — выла маленькая женщина. Похоже, что она забыла имя Спирьки.— О-о-й!..

В избе, за дверью, всполошились старики, тоже заорали.

— Не надо!! — кричала женщина, и мотала головой, и все хотела обнять его ноги, и ползла без тру-

сов — рубашка сбилась ей на спину, она не замечала того — все хотела поймать ноги Спирьки.

Спирька растерялся, отпινывал женщину... И как-то ясно вдруг понял: если он сейчас выстрелит, то выстрел этот потом ни замолить, ни залить вином нельзя будет».

Вышел он из горницы, пошел прочь. Вспомнилась мать, он даже побежал, чтобы уйти от мысли о матери. И легко ему стало на минуту — что не натворил беды.

Что же остановило Спиридона от тягчайшего преступления? Шукшин дает ответ: вдруг понял Спиридон, что «выстрел этот потом ни замолить, ни залить вином нельзя будет». Не будет прощенья ему от людей за бессмысленное, жестокое убийство мужа на глазах жены. Не будет. Не будет прощенья от себя самого. Не зальешь вином память.

Совесьть человеческая проснулась у Спиридона. Увидел он ужасом и страхом объятую маленькую женщину. Понял, что стоит над бездной. И если перейдет грань, то падет в нее. И будет обещещен навсегда. Пока жив.

А мать... Как поведут его связанным, перенесет ли она? Мысли о родной старенькой матушке. Страх за ее страдания, муки. Да и останется она одна на белом свете, ведь никого, кроме Сураза, у нее нет.

Вот что остановило Спиридона. Хотя совесть его не стала великаном, а все же властно запротестовала. И разбудило ее чувство ответственности перед людьми, перед матерью.

Или еще один пример, из «Педагогической поэмы» А. С. Макаренка.

В колонии, которой руководил Антон Семенович, был колонист Аркадий Ужиков. С малых лет беспри-

зорный. Попав в колонию, с первого дня стал красть у товарищей. Все его презирали. Да и сам он, верно, себя не уважал. Различные воспитательные меры эффекта не приносили. Наконец чаша терпения у колонистов переполнилась: Ужиков украл портфель, в который колонисты, учившиеся на рабфаке, сложили свою стипендию.

Был выбран товарищеский суд из колонистов в составе пяти человек. Решение его было таково: как врага трудящихся и вора, Ужикова нужно с позором выгнать из колонии. Но учитывая, что за него просит Наркомпрос, суд постановил: оставить его в колонии, но не считать колонистом один месяц. Запретить всем колонистам разговаривать с ним, помогать ему, есть за одним столом, спать в одной спальне, играть с ним, сидеть рядом и ходить; спать ему в коридоре спален, есть за отдельным столом, работать, если захочет, в одиночку.

А. С. Макаренко утвердил это решение. А дальше события развернулись так. Сначала Ужиков ходил героем, к которому никто не может подойти. За своим отдельным столом сидел как король. Но вскоре он стал переживать дни полного одиночества, однообразные, не скрашенные даже ничтожной теплотой человеческого общения.

«И скоро,— пишет Макаренко,— я увидел с радостью, что брови Аркадия, до того времени неподвижные, научились делать на его челе еле заметную, но выразительную складку». Он начал задумываться, заглядываться на ребят. Произошла разительная перемена в его отношении к труду. Аркадий тщательно подметал двор, очищал мусорные ящики, следил за чистотой клумб. Один вечер он весь потратил на то, чтобы сделать плакат. На нем было написано: «Коло-

нист, уважай труд товарища, не бросай бумажки на землю».

Однажды в колонию приехала представительница Наркомпроса и хотела поговорить с Аркадием. Он ответил, что не может без разрешения командира отряда. «На другой день,— пишет Макаренко,— на общем собрании колонистов Наташа Петренко взяла слово:

— Хлопцы, давайте уж простим Аркадия. Он хорошо работает и наказание выдерживает с честью, как полагается колонисту. Я предлагаю амнистировать.

Общее собрание сочувственно зашумело:

— Это можно...

— Ужиков здорово подтянулся...

Потребовали отзыва командира. Жевелий сказал:

— Прямо говорю: другой человек стал. И вчера приехала... эта самая... Да знаете ж!

— Знаем!

— Она к нему: мальчик, мальчик, а он — молодец, не поддался. Я сам раньше думал, что с Аркадия толку не будет, а теперь скажу: у него есть... есть что-то такое... наше...

Лапоть ослабил:

— Выходит так: амнистируем.

— Голосуй,— сказали колонисты.

А Ужиков в это время притаился у печки и опустил голову. Лапоть оглянул поднятые руки и сказал весело:

— Ну что ж... единогласно, выходит. Аркадий, где ты там? Поздравляю, свободен!

Ужиков вышел на сцену, посмотрел на собрание, открыл рот и... заплакал.

В зале взволновались. Кто-то крикнул:

— Он завтра скажет...

Но Ужиков провел по глазам рукавом рубахи, и,

приглядевшись к нему, я увидел, что он страдает. Аркадий, наконец, сказал:

— Спасибо, хлопцы... И девчата... И Наташа... Я... тот... все понимаю, вы не думайте... пожалуйста.

— Забудь,— сказал строго Лапоть.

Ужиков покорно кивнул головой. Лапоть закрыл собрание, и на сцену к Ужикову бросились хлопцы. Их сегодняшние симпатии были оплачены чистым золотом».

У В. А. Сухомлинского есть выражение: «мудрая власть коллектива». Вот эта мудрая власть коллектива и вызвала глубокое преобразование в душе Ужикова. Он понял огромную ценность доверия коллектива и ответственности перед ним, ценность дружбы и товарищества, почувствовал силу и теплоту человеческого общения.

А осознав это, Аркадий увидел и ценность человеческой личности. Своей собственной. Понял, что и он может быть дорог людям. Так Аркадий Ужиков, став членом коллектива, начал приобретать подлинно человеческие, личностные начала. В нем пробудилась совесть...

Мы видим, что путь христианского нравственного совершенствования, при котором столь большое место отведено исповеди, ведет лишь к изоляции человека от общества, ослабляет его ответственность перед людьми, усыпляет его совесть.

Воспитание совершенного человека возможно, но на иных путях, связанных прежде всего с переустройством его общественной жизни.

КАК СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА СОВЕСТЛИВЕЕ?

Вопрос о том, как сделать человека совершеннее, не раз ставили великие умы человечества, создававшие модели идеального общественного строя, где бы каждый человек свободно и всесторонне развивался — нравственно, умственно, физически.

Ставили этот вопрос и простые труженики-верующие, пытавшиеся создать общины на основе принципов справедливости, равенства и добра. Разные были ответы на вопрос о том, как сделать человека добрее, совестливее, ответственнее перед людьми.

В 1833 году в царской России появилась религиозная секта «общих». Ее создателями были Е. Я. Галляев и М. А. Попов, проповедовавшие свое учение среди государственных крепостных крестьян Саратовской губернии. Само название секты происходило от «Устава общего упования», на осно-

ве которого предполагалось произвести коренное переустройство жизни всех членов религиозной общины. Основные идеи его состояли в требовании общности имущества, равенства, обязательного труда для всех, уважения коллективной воли. Прием и выход из общины были добровольными.

Трудовые доходы членов общины образовывали так называемую «общую сумму». Из нее уплачивались подати, повинности, необходимые общие расходы, а остаток распределялся между всеми поровну, по числу душ в семье. Имелась своя хозяйственная администрация, которая давала всем членам разнарядку на работу.

Большое внимание уделялось воспитанию детей. Были созданы школы со сроком обучения 5 лет. В них преподавались письмо, чтение, арифметика и пение. В школах обучались все дети с семилетнего возраста, причем мальчики и девочки совместно. Летом занятий не было, но дети выполняли различные производственные задания.

Таково было «земное ядро» учения «общих».

Мы видим, что социальным творчеством задавленных крепостным гнетом крестьян в условиях феодального рабства, бесправия, беспросветной нужды и темноты была создана, по сути дела, народная коммуна.

Огромное значение в жизни «общих» имело церковное устройство общины. Именно оно, по замыслам ее руководителей, должно было придать ей прочность. Церковная администрация, созданная в общине, контролировала все и вся. Она имела три ступени. Большую роль играли различного рода «чины» — судья, жертвенник, распорядитель, молитвенник, тайник и др. Высшее церковное управление возглавлял «царь общего упования». Его авторитет был непререкаем. Счита-

лось, что он пребывает в непосредственном общении с богом.

Устои религиозной жизни строго регламентировались. Верующие должны были четыре раза в день молиться. После молитв совершался обряд взаимного целования. Он символизировал братство всех членов общины. Велся строгий письменный учет участия в молитвах, религиозных песнопениях, соблюдения постов. «Добрые поступки» тоже записывались в реестр. Особо важное значение придавалось «общими» исповеди. Она принималась особым «чином» — тайником. С ее помощью контролировались все помыслы и чаяния верующих.

Такова была социальная утопия¹ крепостных крестьян. Это была попытка построить «праведное село», без казенной церкви, помещичьего гнета.

Давайте посмотрим теперь, какова была дальнейшая судьба этой коммуны. Через несколько лет после ее образования обеспокоенные царские власти переселили руководителей общины и их последователей в Ленкоранский уезд Бакинской губернии. На новом месте опять организовалась коммуна, которая быстро разрослась. Однако внутри нее уже начали действовать силы, которые и привели ее к вырождению во второй половине 40 — начале 50-х годов XIX столетия.

Дело в том, что в коммуне наряду с общностью имущества, общественными работами существовало и мелкое домашнее производство — ткачество, прядение. Рядовые общинники продавали свою продукцию на рынке. Доходы одних были невелики, другие поти-

---

¹ Утопия (греч. *у* — не, нет; *topos* — место) — буквально: место, которого нет.

хоньку обогащались, и это разжигало их аппетиты. Им становилось тесно в рамках коммуны.

Церковные руководители общины по своему положению имели доступ к общественным благам. От имени коммуны они совершали различные торговые, финансовые операции. Церковная иерархия все более проникалась «частнособственническими интересами и постепенно вырождалась в паразитирующий на труде общинников слой»¹.

Село Николаевка, центр «общих», посетил в начале 80-х годов известный писатель Глеб Успенский. Вот что он писал: «В настоящее время Николаевка довольно большая деревня, далеко не напоминающая того фаланстера, который, как кажется, грезился основателю ее. Есть здесь и богатые дома, есть и бедные, есть и лачуги. «Равнения» в средствах жизни и достатке уже нет. Нет ни общественных столовых, ни общественных работ: всякий работает на себя по силам, какие есть в его семействе».

Коммуна со временем прекратила свое существование. Но религиозная секта «общих» со своим особым порядком продолжала существовать долго. Власть «чинов» стала тиранической. Они установили связь с полицейскими властями и использовали ее для укрепления своего господства в общине.

«Руководящая верхушка секты, чтобы держать в подчинении «паству», создала обстановку взаимной слежки верующих друг за другом, возвела донос в норму отношений, от «виновных» требовала покаяния, которое обставлялось унижительной процедурой ползания на коленях, плача, вымаливания прощения, пуб-

---

¹ А. И. Клибанов. История религиозного сектантства в России. М., 1965, стр. 142.

личной огласки «вины», хотя бы она относилась и к наиболее интимным сторонам жизни верующего.

Практиковалась порка, помещение в «холодную»¹.

Итак, коммуны не спасли ни энтузиазм и самопожертвование ее зачинателей, ни крепость религиозной веры самих «общих». Иного конца эта крестьянская социальная утопия и не могла иметь.

Верующие люди могут сказать, что человеческие слабости погубили благое дело и надо было решительнее бороться с грешными помыслами, совершенствоваться нравственно.

Нет, не только в слабостях человеческих здесь дело. Да и сами эти слабости, если так именовать частнособственнические устремления, были неизбежны. Крепостные крестьяне могли выдвинуть лишь наивные утопические идеалы, очень далекие от научного социализма.

Что же касается нравственного совершенствования, то были учения, которые ставили его во главу угла в деле создания совершенного общества. Одно из таких учений проповедовал, например, великий русский писатель Лев Толстой. Гениальный художник видел кругом насилие, несправедливость, угнетение. Видел страдания и нищету крестьян царской России, их ужас и бессилие перед разорением и бедствиями, которые принес им капитализм. Осознавал он и беспросветную тяжесть жизни фабричных рабочих.

И перед ним вставал извечный вопрос: где же выход из мира зла и какой смысл имеет его собственная обеспеченная жизнь? Мучительно искал Толстой ответа на этот вопрос. Полные раздвоенности поиски он искренне описал в своей «Исповеди». Толстой писал,

---

¹ А. И. Клибанов. Из мира религиозного сектантства. М., 1974, стр. 249.

что перед ним встал вопрос, без которого жизнь невозможна. «Вопрос состоит в том: «Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра,— что выйдет из всей моей жизни?»»

После долгих размышлений он обратился к жизни простых людей. «Действия же трудящегося народа, творящего жизнь,— отмечал он,— представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его». Он осознал, что человек счастлив и жизнь его разумна, когда он трудится не один, а совместно с другими, не только для себя, а для всех.

Но как сделать людей счастливыми, победить зло в обществе? Толстой выдвигает свою программу личного нравственного совершенствования, непротивления злу насилием, всеобщей любви.

Он считал, что избавления рабочего народа от гнета, коренного изменения его общественного положения нельзя достигнуть насильственным воплощением проектов лучшего устройства общества. Наоборот, следовало утвердить у людей такое религиозное сознание, при котором человек признавал бы нравственную невозможность совершать какое бы то ни было насилие над ближним.

Жизнь людей, полагал Толстой, может перемениться к лучшему лишь в результате их внутреннего душевного изменения, ибо только тогда переменится и жизнь внешняя. Воздаяние же злом за зло лишь увеличивает количество зла, насилия в мире, поэтому единственное средство уменьшить зло в мире состоит, по его мнению, в покорном перенесении всякого насилия.

«Не должен ли я,— вопрошал Толстой,— заступиться за людей, если они просят меня о помощи, хотя бы

пришлось освобождать их силою, если перед моими глазами убивают и мучают людей! Освободить и заступаться за людей силой — не должно, потому что этого нельзя и потому что пытаться делать добро насилием, т. е. злом,— глупо».

Толстой выступал против революционного низвержения царского самодержавия, утверждая, что нельзя насилием разрушить «существующий безобразный беспорядок, называемый порядком». В статье «К рабочему народу» он писал: «...советую вам для достижения всего того, что вам нужно, направлять свои силы не на борьбу с правящими классами посредством бунтов, революции или социалистической деятельности, а только на себя, на то, чтобы жить лучше... Самый главный совет вам, рабочим, состоит в том, чтобы, не осуждая других людей, ваших угнетателей, вы оглянулись бы на себя и изменили бы свою внутреннюю жизнь».

Есть у Толстого сказка «Об Иване Дураке...». Сюжет у нее такой. Войско тараканского царя нападает на дураков в царстве Ивана. Дураки не оказывают никакого сопротивления. Наоборот, встречают поработителей радушно. На насилие дураки отвечают только плачем да причитаниями: зачем, мол, нас обижаете, берите себе все, что хотите. Устыдились солдаты тараканского царя, и все войско разбежалось.

Непротивление злу победило зло. Такова, как говорится, мораль сказки. Дураки-де оказались умнее умников, которые сопротивлялись бы и погибли. В своей известной работе «В чем моя вера» Толстой сказал прямо: «Один есть путь пресечения зла — делание добра за зло всем без всякого различия».

Эти идеи Толстой считал главными в христианстве, особенно непротивление злу насилием. Но служили ли

они прогрессу общества? Ведь, согласно этим идеям, угнетенному рабочему и крестьянину не нужно было сплачиваться для совместной революционной борьбы против царя, помещика и фабриканта. Нужно было только внутренне нравственно совершенствоваться. Воспитывать в себе смирение и любовь к врагам. Вот тогда-то и должно было случиться чудо: угнетатели, помещики и капиталисты, устыдятся, тоже усовершенствуются морально и станут для угнетенных родными братьями, прекратят насилие и эксплуатацию.

По существу, проповедуемые Толстым идеи звали угнетенных и угнетателей к братскому единению посредством нравственного самосовершенствования, непротивления злу, всеобщей любви.

Конечно, верующий может задать резонный вопрос: неужели от нравственного совершенствования нет никакой пользы и оно совершенно не нужно людям?

Чтобы оценить его, необходимо знать, каким целям оно служит, в каких формах осуществляется. В данном случае оно объективно выполняло реакционную функцию, ибо подавляло стремление угнетенных масс к революционным действиям за свое освобождение. Подменяло реальную борьбу против социального и морального зла в обществе внутренней борьбой человека с самим собой.

Конечно, нравственное самосовершенствование может служить и делу общественного прогресса. Но тогда оно должно направляться на то, чтобы совершенствовать характер, волю, чувства людей для революционной борьбы с эксплуататорами. Формировать борцов. По этому пути и шли настоящие революционеры.

И если говорить об уменьшении зла в обществе, то

достигнуть этого можно было тоже только путем революционных действий. Ведь насилие царя, помещиков и капиталистов над многомиллионными массами трудящихся поддерживалось и осуществлялось с помощью царской армии, полиции, суда. Сломать весь этот огромный аппарат насилия без революционных преобразований было невозможно.

Толстой же категорически отрицал революционные действия масс. Социальная программа, выдвигавшаяся Толстым, была иллюзорна и утопична. Иначе ее оценить нельзя.

Толстой сам чувствовал некоторые слабости своих идей. Он писал, например, что если стать на позиции непротивления злу, то «тебя затрут, затопчут, ты будешь бродяга-нищий». Но он все же надеялся, что путем нравственного совершенствования можно изменить и самого человека, и все общество. Толстой мечтал: вот если бы сотни честных молодых людей не следовали за народовольцами, а пошли по пути непротивления, а за ними еще другие...

Но трудящиеся массы не пошли по этому иллюзорному пути. Сбылось гениальное предвидение В. И. Ленина: «Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир,— у пролетариата»¹. Трудящиеся пошли за ленинской партией на штурм царизма, низвергли власть капитала, чтобы построить светлое здание социализма.

История показала, что это был единственно правильный путь.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 71.

Но, говоря о Толстом, нельзя ограничиться только указанием на утопичность и иллюзорность его социальных взглядов. Ведь будет непонятно, почему так высоко ценит его все прогрессивное человечество, и прежде всего наш советский народ. Всесторонний анализ творчества Толстого, его сильных и слабых сторон дал Владимир Ильич Ленин. Он чрезвычайно высоко ценил произведения гениального писателя, любовался его могучим языком, всегда с увлечением говорил о нем, заботился об издании его книг в Советской республике.

Толстой поставил в своих произведениях столько великих вопросов, достиг такого художественного совершенства, что уже при жизни был признан одним из величайших художников в мировой литературе. Принадлежа по рождению и воспитанию к высшей помещицкой знати, Толстой порвал со взглядами своего класса. Беспощадно обличал он царизм, помещичье землевладение, полицейско-чиновничий произвол, ужасы, которые принесло развитие капитализма русскому крестьянству.

Страстно разоблачал он черносотенную казенную православную церковь, отвергал христианские обряды и таинства. Святейший синод отлучил великого писателя от церкви, заявив, что он ниспровергает основы христианства. В ответ на определение синода Толстой писал: «То, что я отвергаю непонятную троицу и не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о божестве, родившемся от девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо...»

О таинстве покаяния Толстой писал так: «В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный

обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением».

Непреклонная обличительная критика Толстым всей неправды общественной жизни отличалась искренностью, свежестью и убедительностью мысли, бесстрашием, стремлением добраться до самой сути, раскрыть истинные причины бедствий народных.

Однако свое обличение великий писатель осуществлял с позиций патриархального крестьянства, накопившего горы злобы, ненависти против угнетателей, желавшего смести вся и все, но не знавшего, как это сделать, мечтательного и мягкотелого, бессильно воздыхающего и посылающего проклятия в адрес «власти денег».

Вот где кроется источник кричащих противоречий в творчестве гениального художника. Вот откуда у него идея непротивления злу насилием, мистицизм. «Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого»¹.

Отсюда и драма его жизни. Мучительные попытки разорвать сословные путы, освободиться от них до конца. Отсюда и бегство ненастной ночью с котомкой за плечами из яснополянской усадьбы, и кончина на безвестном полустанке Астапово.

Здесь «с мертвенных губ Толстого срывается последняя зарегистрированная газетной хроникой, пронзительной тоски полная фраза Толстого — **нет, мужики так не умирают!** И в этом предсмертном, сквозь зубы, сожалении выражена вся житейская философия Толстого — строить жизнь так, чтобы уходить из нее безболезненно, как все они, эти не мудрствующие счастливы — деревья, птицы и труженики земли: без лжи,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 40.

без боязни, без оглядки, без жалоб, без попреков со-
вести. Отсюда — несколько в ином свете предстает
уход Толстого из дома в ту глухую предзимнюю
ночь»¹.

Не от жизни бежал Толстой. Именно так хотели
представить дело его враги, официальная Россия,
иерархи церкви, пославшие на захолустный полустанок
и жандармов, явных и тайных, и чиновников, и старца
Варсонофия, надеявшегося исповедовать Толстого, да-
бы представить великого обличителя отказавшимся от
своих взглядов и примирившимся с церковью.

Нет, Толстой шел к жизни, к жизни трудящегося
народа, который один только, по его мнению, придает
ей смысл. Великий правдолюбец, большую часть жизни
потративший на поиски истины для устройства луч-
шей жизни всем угнетенным и униженным, он стре-
мился к деятельности на их благо.

Величественно художественное наследие Толстого.
В нем есть то, что не отошло в прошлое, указывал
В. И. Ленин, «что принадлежит будущему. Это наслед-
ство берет и над этим наследством работает россий-
ский пролетариат»². Непримируемость к социальному
и моральному злу, глубокое уважение к труду как ис-
конной сути человеческой жизни, сострадание ко всем
угнетенным, жажда правды, неиссякаемая любовь к
природе — вот те драгоценные краеугольные камни
великого наследия, которые бесконечно дороги нам.

Мне очень хочется рассказать еще об одном из-
вестном неудавшемся эксперименте по созданию со-
вершенного общественного устройства, который был
предпринят в XIX веке человеком, от которого, судя
по его общественному положению, было трудно этого

---

¹ Л. Леонов. Слово о Толстом. М., 1961, стр. 29.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 23.

ожидать. Свою жизнь он посвятил служению идеалам добра и справедливости. Мужественно и настойчиво в течение десятилетий боролся за осуществление этих идеалов, отдавая борьбе все средства, энергию, волю; взывал к совести и разуму людей, обрекая себя на горечь неудач и человеческое непонимание.

Даже близкие не понимали его. Жене не нравились его проекты общественного переустройства: бедствия человечества мало трогали ее. Фанатичная верующая, она настаивала на религиозном воспитании детей в противовес атеистическим убеждениям своего супруга. Из четырех сыновей только старший помогал подвижнической деятельности отца.

Но «собственное душевное спокойствие от сознания правильности поступков и всей жизни было ему дороже всякой преходящей славы и мизерного личного благополучия»¹. В свой смертный час он удостоился посещения самого епископа англиканской церкви, обратившегося к умирающему со словами: «Сын мой, не раскаиваетесь ли вы в том, что безумно потратили свою жизнь на тщетные усилия и невыполненные планы?»

Последовал такой ответ: «О нет, милостивый государь, я не даром потратил жизнь, я возвестил миру важные истины, и если мир не принял их, то только потому, что он их еще не понял. Могу ли я за это порицать его? Я опередил свое время»².

Человека этого звали Роберт Оуэн.

Родился он в маленьком английском городке в семье мелкого ремесленника, где был шестым ребенком. В сельской школе научился Оуэн письму и чте-

---

¹ В. Г. Подмарков. Роберт Оуэн — гуманист и мыслитель. М., 1976, стр. 127.

² Там же, стр. 20.

нию, а девятилетним уже покинул ее ради заработка хлеба насущного. В десять лет он отправился в Лондон попытать счастья и работал мальчиком, затем приказчиком в лавке. К 20 годам он был директором фабрики, а в 29 лет управлял одним из самых крупных текстильных предприятий в Англии.

Казалось, ему предстоит типичный жизненный путь новых капиталистов, поднятых наверх волнами промышленной революции: неутолимое стремление к наживе, огромное состояние к концу жизни и звание баронета... Но жизнь Оуэна пошла по другому пути, который привел его к бессмертию.

Оглядываясь окрест, он видел бедствия, нищету, страдания тысяч мужчин, женщин, детей. Чудовищно тяжелые условия труда и жизни изнуряли физически, калечили нравственно фабричных рабов. Можно ли избежать этих ужасных крайностей? Да, отвечал Оуэн, причем при сохранении и даже увеличении прибылей предпринимателей.

Он начинает проводить на своей фабрике в Нью-Ленарке целую серию мероприятий для улучшения труда и быта рабочих. Все нововведения основываются на главном принципе его социального «символа веры»: чтобы изменить людей к лучшему, нужно создать благоприятную для этого материальную и моральную окружающую среду. И Оуэн, собрав умных, добросовестных помощников, с величайшей энергией принялся за дело.

Были построены новые жилые дома для рабочих с весьма умеренной квартирной платой. Большое внимание уделялось поддержанию жилищ и улиц в чистоте: проложены новые улицы, изготовлены приспособления для собирания мусора, учреждены контролеры для наблюдения за санитарным состоянием поселка.

Оуэн построил специальный магазин, где рабочие покупали продукты лучшего качества и дешевле, чем у мелких лавочников, повысил заработную плату рабочим, отменил штрафы, создал больничную кассу, сократил рабочий день с 14 до 11,5, а затем до 10,5 часа. Все это было чрезвычайно необычно для Англии его времени.

Особое внимание уделял он воспитанию детей. Ведь, по его глубокому убеждению, человеческий характер складывается в основном в детские годы, и преодолеть дурные качества, приобретенные в этом возрасте, позже весьма трудно.

В то время как на всех фабриках дети работали с шестилетнего возраста по 12—14 часов, наравне со взрослыми, Оуэн отказался от применения детского труда. В Нью-Ленарке были открыты ясли, сад, школа для детей, где они обучались бесплатно письму, чтению и арифметике с 5-летнего возраста. Для взрослых были организованы вечерняя школа, читальня и библиотека.

Эксперимент Оуэна в Нью-Ленарке удался. Но он не изменил существо общественных отношений. Наемные рабочие оставались рабочими, продававшими капиталистам свою рабочую силу, фабриканты оставались фабрикантами, частными собственниками, в руках которых находились средства производства. Лучшее обращение с рабочими позволило более эффективно вести производство, получать более высокие прибыли. И хотя Оуэн руководствовался в своих начинаниях не интересами наживы, а гуманистическими побуждениями, он чувствовал ограниченность, половинчатость своих нововведений.

У него постепенно вызревает новый план. План коренного общественного переустройства. Создания

совершенного общества, принципиально отличного от буржуазного. По мнению Оуэна, необходимо покончить со старой общественной системой, ибо она покоится на угнетении, заблуждениях, невежестве. Три главных зла выделял он в этой системе. В эту «троицу зол», как он иногда говорил, входили частная собственность, семья и религия.

Среди зол на первое место он ставил частную собственность. Ведь она неразумна и несправедлива, главный источник бедности, преступлений, обмана, вражды между людьми. Существующая семья, считал он, основана на лжи и лицемерии. Резко критиковал Оуэн и религиозные системы. «Я не исповедую вашей религии или вообще какой-либо религии, существующей на свете! — говорил он слушателям в одном выступлении. — Они все представляются мне связанными с большим — да, с очень большим — злом!»

По мнению Оуэна, «во всех религиях, которые до сих пор внушались людям, глубокие, опасные и плачевные предпосылки разъединения, борьбы и противоречий прочно сочетались с основными их представлениями». «И в результате человек стал самым непоследовательным и самым несчастным существом на свете. Заблуждения этих религиозных систем превратили его в слабое, глупое животное, в ожесточенного ханжу и фанатика, в несчастного лицемера...»

Итак, Оуэн решает воплотить в жизнь свой план радикального общественного переустройства. Новое общество должно основываться на истине, науке, общем владении и общем труде, планомерном ведении хозяйства, равенстве обязанностей и прав для всех, на всестороннем развитии каждого.

Что же нужно сделать для осуществления этого коренного общественного переворота? Следует орга-

низовать хотя бы одну совершенную ячейку нового общества с подлинно человеческими отношениями между ее членами, полагал Оуэн. Когда все увидят счастливые преимущества и плодотворные результаты новой организации, то победит человеческий здравый смысл. Все последуют этому примеру, захотят жить в разумных и справедливых условиях.

Таким путем, считал Оуэн, новое общество победит во всем мире. Старое общество исчезнет навсегда. Он даже называл сроки победы новой организации: в Европе и Америке — через 5 лет, во всем мире — через 10 лет.

В 1824 году Оуэн купил в Америке, в штате Индиана, 12 тыс. гектаров земли с различными постройками. Здесь в большом благоустроенном имении создает он свою идеальную коммуну — прообраз нового общества. Оуэн называет ее «Новая гармония». В 1826 году в коммуне была принята конституция «Общины совершенного равенства». Она провозгласила коммунистические принципы, по которым члены коммуны должны были «работать и получать по совести».

«Новая гармония» просуществовала несколько лет. Увы, искусственная попытка организовать коммунистическую ячейку в недрах буржуазного общества окончилась неудачей. Здравый смысл оказался бессильным перед буржуазными общественными отношениями.

В 1828 году Оуэн покидает «Новую гармонию» и уезжает на родину, потеряв 80% своего состояния. Ему было уже около 60 лет. Но он не сдался, не отказался от своих планов создания разумного общества. С юношеским энтузиазмом и пронесенной через все неудачи верой в добро и справедливость берется он за создание «Базара справедливого обмена». Здесь, по замыслу Оуэна, рабочие смогут обменивать продук-

ты своего труда прямо, минуя предпринимателей и торговцев. Однако вскоре на базаре стали скапливаться не пользующиеся спросом товары, и он потерпел крах.

Оуэн предпринимает еще одну попытку создать трудовую коммуну, теперь уже в самой Англии. Она просуществовала с 1839 по 1845 год и прекратила свою деятельность, не выдержав конкуренции с капиталистическими фермерами. До последних дней жизни Оуэн вел пропаганду своих идей. Он созывал конгрессы, издавал газеты и журналы, выступал с лекциями.

Выдающийся социалист-утопист скончался 15 ноября 1858 года в возрасте 87 лет. Он вошел в историю человечества как один из самых благородных и совестливых ее героев.

Неудачи Оуэна были обусловлены утопичностью его взглядов. Он надеялся победить общественное зло без насилия, не затрагивая интересов господствующих классов, лишь с помощью силы разума, совершенного примера, здравого смысла. Он считал возможным объединить интересы всех классов общества и выступал против классовой борьбы. В. И. Ленин отмечал, что «утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту **общественную силу**, которая способна стать творцом нового общества»¹.

Но уже в последние десятилетия жизни Оуэна на арену истории мощно выступила новая общественная сила, способная реально бороться за совершенное общество, о котором мечтал этот выдающийся социалист-утопист. Уже начали свою творческую деятель-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 46.

ность великие вожди этой силы, научно обосновавшие пути борьбы за новое общество.

К. Маркс и Ф. Энгельс совершили революционный переворот во взглядах на общество. Что представляет собой человеческое общество, каковы его основы, существуют ли законы его развития, или оно направляется божественным промыслом? Философы и социологи при истолковании человеческой истории обращали свое внимание на существовавшие в ту или иную эпоху научные и философские взгляды, достижения искусства, религиозные верования. В расчет принималась только деятельность выдающихся личностей, народные же массы оставались вне поля зрения.

В своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что люди, прежде чем заниматься наукой, философией, искусством, спорить о существовании бога, должны иметь жилище, одежду, продовольствие. Добыванию необходимых средств жизни служит общественный **способ производства**. Он — материальная первооснова жизни людей. Сами люди и созданные ими орудия труда, с помощью которых засеваются поля, строятся дома, добываются уголь и нефть, составляют одну сторону способа производства — **производительные силы**. Трудясь совместно, люди вступают в определенные **производственные отношения**, которые изменяются с развитием производительных сил. Это другая сторона способа производства.

История человеческого общества рассматривается марксизмом как последовательная закономерная смена способов производства, в которой подлинными творцами выступают народные массы.

К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что именно от этой материальной первоосновы, казавшейся ранее чисто внешним условием бытия людей, зависят в ко-

нечном счете и политическое устройство общества, и правовые законы, и идеологические учения. Оказалось, что и сам-то человек, его интересы, чаяния, нравственные качества определяются общественными отношениями. Материалистическое понимание истории вело к революционному выводу: для того, чтобы радикально изменить облик человека, необходимо революционное переустройство общества.

Ведь если само общество таково, что человеку в нем легче и выгоднее быть бессовестным, то сделать его совестливым весьма трудно. В известной «Басне о пчелах», написанной в начале XVIII века английским философом Бернардом Мандевилем, рассказывается о жизни улья, где каждый действует лишь во имя своих эгоистических интересов и где процветают пороки и зло. Но вот Юпитер решил покарать пчел. Он сделал всех их без исключения честными. И что же? Улей распался.

Басня Мандевилля — сатира на современное ему буржуазное общество. Общество алчности и наживы не переносит честности, совестливость ни к чему для живущих в нем. И это совершенно верно. Ибо «никакой внешний авторитет не может внушить нам добрых чувств к людям, если их не рождает в нас повседневно все наше общественное бытие, все наличные условия труда и быта и общие задачи в общих интересах всех трудящихся»¹.

Но как создать такое общественное бытие, которое повседневно рождало бы в нас добрые чувства к людям, как сделать общими интересы людей? Мы видели, что Р. Оуэн хотел построить такое бытие — коммунистическую ячейку — в недрах буржуазного строя, на-

---

¹ С. Г. Струмилин. Бог и свобода. М., 1961, стр. 89—90.

деялся на всеобщее следование этому примеру. Но его мужественный эксперимент был утопическим и потерпел неизбежную неудачу.

Величие К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в том, что они создали научное учение о новом обществе. Превратили социализм из утопии в науку.

Я говорил о том, что совесть человека может быть великаном. Такой ее делает беззаветная преданность высоким идеалам, самоотверженное служение общественному долгу, исключительная цельность личности.

В апреле 1867 года К. Маркс писал в письме Зигфриду Мейеру:

«Итак, почему же я вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать **каждый** момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине **непрактичным**, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи.

Первый том этого труда появится через несколько недель в издании Отто Мейснера в Гамбурге. Заглавие сочинения таково: **«Капитал. Критика политической экономии»**¹.

Одна мысль пронизывает письмо 49-летнего К. Маркса: во что бы то ни стало закончить основной труд своей жизни — «Капитал». Следующие, второй и

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 454.

третий, тома были подготовлены к печати Ф. Энгельсом после смерти Маркса.

Терпеливо переносил К. Маркс житейские невзгоды, болезни, постоянную нужду. Ведь его семья часто не имела самого необходимого — одежды, обуви, лекарств для лечения детей. Бывали дни, когда нельзя было пойти в библиотеку Британского музея, где Маркс трудился по двенадцати часов, потому что одежда и обувь были заложены в ломбарде. В другой раз не хватало нескольких пенсов на покупку писчей бумаги.

Видный деятель международного рабочего движения и биограф К. Маркса Ф. Меринг писал: «Такая судьба высокого духа печальна уже сама по себе; но она поднимается поистине на трагическую вершину, оттого что Маркс добровольно брал на себя свой мученический подвиг, длившийся целыми десятилетиями. Он отклонял всякий соблазн компромиссов, хотя имел полную возможность без какого бы то ни было урона для чести укрыться в гавани буржуазной профессии. Все, что нужно сказать об этом, Маркс сказал просто, без всяких высокопарных фраз: «...Я должен любой ценой идти к своей цели и не позволю буржуазному обществу превратить меня в машину, делающую деньги»¹. Этого Прометея приковали к скале не цепи Гефеста, а его собственная железная воля, которая с непогрешимостью магнитной стрелки указывала на высшие цели человечества. Все его существо было гибкой сталью».

Прекрасно сравнение К. Маркса с Прометеем. Маркс добыл знание, которое осветило людям путь к коммунизму. Весь свой творческий гений, энциклопе-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 466.

дическую образованность, титаническую работоспособность отдавал он тому, чтобы выковать революционное учение — грозное оружие пролетариата, с борьбой которого он сознательно навсегда связал свою судьбу.

В том, что К. Марксу удалось выстоять перед житейскими невзгодами, довести до конца главный труд всей жизни, огромная заслуга Ф. Энгельса. Двух мыслителей связывала поистине великая, самоотверженная дружба. В основе ее лежали глубокое взаимопонимание, исключительная преданность общему делу. Ф. Энгельс сознательно взял на себя кабалу работы приказчиком, затем участником фирмы, отказывал себе во времени для собственных исследований ради того, чтобы обеспечить гению К. Маркса материальную возможность для научной работы.

К. Маркс и Ф. Энгельс, их трогательная дружба являют собой великий образец высокого нравственного совершенства.

В последующую историческую эпоху марксизм был развит, поднят на качественно новую ступень В. И. Лениным — вождем мирового пролетариата, основателем нашей Коммунистической партии и Советского государства. Вооруженная ленинским учением о социалистической революции, партия большевиков возглавила борьбу героического рабочего класса России в союзе с трудовым крестьянством, трудящимися всех наций и народностей за низвержение мира угнетения, эксплуатации и наживы. Победа Великого Октября означала наступление эпохи революционного обновления мира.

Недавно мы все торжественно отметили 60-летие нашего социалистического Отечества. В истории срок небольшой. Но какой гигантский путь пройден! Сколь

величественны всемирно-исторические преобразования, создавшие новый, светлый мир социализма!

На месте старого общества — общества насилия и алчности — воздвигнут реальный социализм, общество, где частная собственность — источник эксплуатации, вражды и ненависти между людьми — заменена общественной собственностью, где воплотились в жизнь принципы социального равенства и справедливости и на месте классовых антагонизмов утвердились отношения товарищества, сотрудничества и братской взаимопомощи дружественных классов. Где исчезла былая вражда наций и утвердилась нерушимая дружба народов, больших и малых.

В нашей стране построен развитой социализм, достигнута **«такая стадия зрелости нового общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах»**¹. Развитой социализм — это общество, в котором человек стал подлинным хозяином своей судьбы и закон жизни которого состоит в заботе всех о благе каждого и заботе каждого о благе всех.

Вот в таком-то обществе человеку легко жить по совести. Совестьливость в почете, а бессовестность презренна. Каждый человек, трудясь и поступая по совести, которая призывает его блюсти принципы морального кодекса строителя коммунизма, интересы общества, может рассчитывать на успех в своей деятельности.

Кто же создал этот новый мир, осуществил вековую мечту трудового народа? Советский человек. «Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее

---

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, стр. 627.

в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и всегда будет последовательным интернационалистом»¹.

Так охарактеризовал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС советского человека. Надо сказать, что именно советский человек, свободный от вековых предрассудков, полный творческих сил, научившийся жить по новым законам — законам коллективизма, является одним из самых великих завоеваний социализма, его самой главной, высшей ценностью.

И вырос он в социальной и духовной атмосфере реального социализма. Именно она создала условия для формирования гармонично развитого человека. Глубоко идейного, совершенного нравственно и физически, у которого высокие мысли не расходятся со словом и делом. Конечно, одной благоприятной социальной и духовной атмосферы самой по себе было бы далеко не достаточно. Огромную роль в формировании морально-политических качеств советских людей, их благородных идеалов играет целенаправленная настойчивая работа нашей партии по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Но справедливо и то, что велика ответственность и самой личности за состояние ее нравственного облика. Есть у нас люди, которые могут заявить: «Создайте мне условия, тогда я буду лучше». Свои недостатки, пороки они сваливают на плохие обстоятельства. Ищут

---

¹ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 87.

самооправдания. Будто от них и не зависит, как вести себя и трудиться.

Очень велико значение личного самосовершенствования, идейного и нравственного. Не следует только противопоставлять самовоспитание воспитанию. Ведущая роль в формировании духовного облика личности принадлежит коммунистическому общественному воспитанию. Самосовершенствование же является его важным дополнением.

Гигантские масштабы коммунистического строительства, темпы научно-технической революции, возрастание роли общественного начала в нашей жизни предъявляют ныне все более высокие требования к духовному, нравственному облику человека. «Великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека»¹, — отметил Л. И. Брежнев.

Внутренне зрелый человек сегодняшнего дня — это человек, преданный делу коммунизма и непримиримый к его врагам, горячо любящий свое социалистическое Отечество, человек высокой образованности и культуры, глубокого сознания общественного долга, требовательный к себе, самодисциплинированный, нравственно самокритичный, бескорыстно добрый и волевой, отзывчивый на чужие беды, способный на самопожертвование.

Такой человек способен успешно строить светлое завтра своей Родины.

Ну а что касается совести, то она выражается через нравственную самокритичность, моральный самоконтроль, доброту, самопожертвование. По-настоящему совестливый человек переживает не только за себя.

---

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1974, стр. 83.

«Мы за все в ответе», — говорят лучшие наши современники, выражая чувство хозяина страны, свою глубокую заинтересованность во всех делах, больших и малых.

Совость — это результат нравственного прогресса человечества, развития подлинно человеческого в человеке. Она формируется окружающими человека условиями, общественным воспитанием, его социальной позицией, особенностями его индивидуального развития, его собственными усилиями. Совость — это осознание человеком, как ему должно жить, поступать, действовать. В выработке этого сознания должного огромную роль играют жизненная установка человека, его понимание цели, смысла своей жизни. Данное понимание, в свою очередь, определяется мировоззрением человека.

Когда мы рассматривали идеи, лежащие в основе христианского покаяния, можно было видеть их неразрывную связь с принципами религиозного мировоззрения, суть которых в принижении бренной земной жизни, в том, чтобы свести смысл жизни верующего к заботе о спасении души для райского блаженства. Поэтому все христианское нравственное самосовершенствование и исповедь как его важнейшее средство направлены на выработку у верующего смирения, кротости, незлобивости, сознания собственного ничтожества, безразличия к земным делам — качеств, угодных богу. Качеств, которые превращают христианина в пассивного и нравственно всеядного созерцателя мирских событий.

Что ему эта греховная земная жизнь, если истинный смысл бытия лежит вне ее, в потустороннем вечном блаженстве! Так совость верующего получает ориентацию на иллюзорные ценности вне реальной жизни.

Подлинно гуманистическое понимание смысла жизни дает научное мировоззрение. Оно неоспоримо свидетельствует, что сами люди формируют смысл своей жизни. В зависимости от конкретных исторических условий, в которых они живут, от устремлений и потребностей своей деятельности люди определяют свое место в обществе, свою историческую роль.

Не нужно искать смысл бытия в заоблачных иллюзиях. Лучше обратить свой взор к земному миру, к полезной для людей деятельности в нем. Вот что говорит об этом гётевский Фауст:

Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо носится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твердо здесь — и вокруг следи за всем:
Для дельного и этот мир не нем.
Что пользы в вечность воспарять мечтою!
Что знаем мы, то можно взять рукою.

Фауст, пройдя через горнило заблуждений, разочарований, постигает истинный смысл единственно реального, земного бытия. Полноту человеческого бытия можно испытать в творческом труде на благо людей.

Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

Смысл бытия следует искать в реальной человеческой жизни, в самом человеке. Прекрасно сказал об этом в стихотворении «Смысл бытия» поэт Гейнц Калау из Германской Демократической Республики:

По существу, бессмысленна природа:
Ни снег, ни облака, ни Млечный Путь,
Ни жизнь, ни смерть вам сами не откроют
Загадку жизни, смысл ее и суть...

Суть бытия ищите в человеке!
Мысль человека создал человек —
Творец всего, что украшает землю
И что на ней останется вовек.

Научное мировоззрение как раз и дает человеку возможность глубоко и всесторонне осознать свое место в мире и обществе, свою общественную роль. Оно придает всей его деятельности благородный социальный смысл, вооружает его высокой целью в жизни. А великая цель, как известно, рождает великую энергию — энергию радостного творческого труда со всеми советскими людьми во имя идеалов коммунизма.

У А. С. Макаренко есть прекрасные слова о том, какую роль играет целевая жизненная перспектива для формирования нравственного облика человека. Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, считает он, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке типом его перспективы. Если кто-то сосредоточивает все свои устремления, генеральную установку на ближайшей перспективе — покупке ковра, хрустальной вазы, посещении нашумевшей премьеры, то этот человек, целиком определяющий ею свою жизнедеятельность, представляется нам самым слабым.

«Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше», — пишет А. С. Макаренко.

Марксистско-ленинское мировоззрение дает советскому человеку самую величественную и оптимистическую перспективу из всех, которые только знала ис-

тория. Эта коммунистическая перспектива стала личной перспективой для десятков миллионов советских людей, которые живут и творчески трудятся в социалистическом обществе — огромном дружном коллективе. Все мы, трудящиеся нашей страны, сплотились в единый советский народ, и у нас решающее значение «постепенно приобретают общие, не зависящие от социальных и национальных различий черты поведения, характера, мировоззрения советских людей»¹.

Марксистско-ленинское мировоззрение — это мощный маяк, освещающий нам путь вперед. Вот почему наша партия считает сердцевиной всей идейно-воспитательной работы утверждение у каждого советского человека научного мировоззрения, глубокой идейной коммунистической убежденности. Научное мировоззрение ориентирует совесть человека на коммунистические идеалы — земные и благородные.

Ведь личная смертность человека не умаляет величия и исторического бессмертия героических и прекрасных человеческих земных дел. Не так страшна смерть. Страшно бессмысленное и эгоистическое существование, сознание пустоты прожитой жизни, когда силы потрачены на мелочное, незначительное. Зато сознание правильно прожитой жизни, озаренной гуманными идеалами, дает человеку глубокое удовлетворение, ибо оставлен добрый след в сердцах других людей, своих детей, внуков, добрый след на Земле.

Большую роль в формировании высоких нравственных качеств советских людей играет критика и самокритика. Иногда верующие проводят некоторую параллель между ней и исповедью. Надо сказать, делают они это без каких-либо оснований.

---

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6, стр. 626.

Критика и самокритика — действенное средство выявления недостатков, устранения всего отжившего, плохого, мешающего нам идти вперед. Пользоваться этим острым оружием — и долг, и право каждого советского человека, глубоко озабоченного всем происходящим в нашей жизни, стремящегося утвердить в ней все передовое, доброе, хорошее.

Коммунистическая партия проявляет постоянную заботу о критике и самокритике, рассматривая ее развитие как показатель творческой активности советских людей, усиления у них чувства хозяина страны, повышения их требовательности к себе. В новом Основном Законе нашей Родины право на критику подкреплено конституционным запретом преследования за критику.

Конечно, главным в этом могучем рычаге совершенствования нашей жизни является его созидательный характер. Борясь против упущений, недостатков, разоблачая имеющееся в нашей жизни зло, мы стремимся сделать наше Отечество могущественнее, лучше, красивее. Ибо оно для нас святая святых. Прекрасно сказал об этом А. Сухомлинский: «Родина — твой дом, твоя колыбель. В родном доме не все гладко и не все хорошо. Есть у нас свои беды и горечи. Говоря о них, помни: ты говоришь о бедах и горечах своего родного дома».

Критика и самокритика — важный принцип коммунистической нравственности, развивающий в человеке чувство ответственности перед обществом и самим собой, чувство моральной самооценки, самоконтроля, развивающий совесть человека.

Давайте сравним воздействие критики и самокритики на совесть человека, атеиста или верующего, с воздействием исповеди на совесть христианина.

Коммунистическая нравственность требует принципиальности, непримиримого отношения к любому злу в нашей жизни. «Против зла надо бороться. Зло нестерпимо. Примириться со злом — значит самому стать безнравственным человеком». Так точно и строго сформулировал отношение к злу А. Сухомлинский.

Но для подобной активной жизненной позиции необходимо гражданское мужество, чтобы настоять на правильном решении, если даже ради этого нужно пойти на конфликт с товарищами, подчиненными или руководителями. Чтобы помочь человеку, которого уважаешь и ценишь, исправить ошибки. Чтобы открыто признать свои недостатки, преодолеть самого себя.

Нелегко бывает критиковать и других, и себя. Но, преодолевая эту трудность, человек мужает, очищает себя, закаляется нравственно, облагораживается. Так он, борясь против «внешнего зла», достигает чистоты своего внутреннего нравственного мира. Французский писатель Р. Роллан справедливо называл критику и самокритику мужественной школой совести¹.

Для успешности критики и самокритики нужны не только совестливость и мужество, но и знание. Чтобы оценить успехи и достижения, увидеть недостатки, ошибки, надо вникнуть в суть дела, понять основные тенденции, перспективы. Надо быть образованным, политически зрелым.

Критика и самокритика предполагают глубокую тактичность в отношении человека, уважение его достоинства. Ведь для человека это не кара, не месть, не истязание совести, не самоунижение. Это — средство

---

¹ См. В. П. Киселев. Нравственное самовоспитание. М., 1977, стр. 38.

его воспитания и самоопределения. Средство утверждения полнокровной личности.

Однако мало определить ошибки, просчеты, заблуждения. Главное — раскрыть вызвавшие их причины, найти реальные средства возможно более быстрого их устранения. Ведь цель критики и самокритики состоит в практическом улучшении состояния нашей жизни, в идейном и нравственном развитии человека. Как бы остро ни критиковал себя человек, если он без конца повторяет старые ошибки, грош цена такой самокритике. Она недействительна.

Сила критики и самокритики в действительности, которая во многом зависит от ее поддержки коллективом: это и доверие к человеку, и добрый совет, и поощрение, и товарищеская требовательность. Это и суровое осуждение, когда оно необходимо. Общее мнение коллектива воспринимается человеком как весомое и зримое веление общественной совести. Оно заставляет его глубоко переосмысливать свое поведение, переболеть душой за свои проступки, дает ему возможность осознать значимость личного вклада в общее дело коллектива, увидеть общественную ценность своей деятельности, свою необходимость для людей. И то и другое возвышает личность, укрепляет ее нравственно.

Коллектив является опорой личности, создателем благоприятного нравственного фона для ее воспитания и самосовершенствования. «Суть этого фона отнюдь не в том, что коллектив принимает личность «на поруки», берет на свое «нравственное иждивение». Коллектив создает атмосферу уверенности в своих силах, в том, что личности все по плечу, что она сможет осуществить свои высшие стремления, наиболее полно и плодотворно отдать свой ум, свое сердце, ма-

стерство людям. Такая предельная самоотдача наполняет жизнь духовным содержанием, стимулирует самосовершенствование»¹.

Формирование нового человека возможно только в ходе борьбы за идеалы коммунизма. Творчески трудясь, расширяя знания, утверждая добро в нашей жизни, преодолевая трудности, советский человек в процессе практической деятельности развивает свой разум и чувства, формирует характер, закаляет волю. Без воли, одухотворенной благородной целью, нельзя воспитать в себе высоких нравственных качеств.

Но ведь все эти могучие факторы духовного совершенствования личности являются по своей природе земными, реальными: они не зависят от какой-то внешней, сверхъестественной, чуждой человеку силы.

Что же касается христианской исповеди, то она своим всепрощением способствует усыплению совести человека, унижает его мыслями о неискоренимой испорченности, собственном ничтожестве. Ведь исповедь не требует от верующего большого мужества: он заранее уверен в отпущении грехов. Не способна исповедь выявить и причины безнравственных поступков. До них исповеднику нет никакого дела.

Исповедь, конечно, нужна человеку. Весь вопрос состоит только в том, какая исповедь, на каких началах основывающаяся.

---

¹ И. А. Донцов. Личное самосовершенствование и мораль. М., 1975, стр. 58.

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ИСПОВЕДЬ?

Для человека важна исповедь. Ему нужна исповедь, но не такая, которая связана с христианским покаянием, вообще с религией. Речь идет о нерелигиозной исповеди, об искренней нравственно-критической оценке своей жизни самим человеком.

Перед кем же произносится эта атеистическая исповедь и зачем она неверующему, может спросить верующий. Перед кем и зачем? Перед другом, близким, товарищами. А может стать, и перед незнакомыми людьми. Важно, что перед реальными людьми. И прежде всего перед самим собой, перед собственной совестью, которая может быть самым строгим судьей поступков и помыслов наших. Такая исповедь произносится не по обязанности, не потому, что подошел срок покаяния. Она совершается, когда назревает глубокая потребность в ней.

Ведь подлинно челове-

ческая исповедь — это искренность, трепетность, щедрость души. И всегда беспощадность. К самому себе. Формы исповеди, о которой ведется речь, разнообразны, богаты. Это и дневники, и воспоминания, и письма. Возьмите «Дневники» Н. Г. Чернышевского, «Повести моей жизни» народовольца Н. А. Морозова, «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Или «Исповедь» Льва Толстого и Жан-Жака Руссо. Это — исповеди перед человечеством.

Для такого рода великих документов человеческой совести характерны нравственно-критическая оценка своей жизни, своих деяний, безграничная искренность, правдивость, глубокие чувства, неискоренимое стремление к истине. Эти драгоценные документы души человеческой делают нас мудрее, гуманнее, духовно богаче. Они напоминают о необходимости постоянной нравственной самокритики, предостерегают от заблуждений, ошибок, «вымерзания души».

Недавно перечитывал я «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье». В нем Н. Г. Чернышевский повествует о своей любви к Ольге Сократовне, будущей жене. Не могу удержаться, чтобы не процитировать два отрывка.

Вот один из них: «Итак, я люблю ее. Я не надеюсь найти другую, к которой бы я мог так сильно привязаться; я даже не могу представить себе, никак не могу представить себе, чтобы могло быть существо более по моему характеру, более по моему сердцу, чтобы какой бы то ни было идеал был выше ее. Она мой идеал, или скажу просто: я не в состоянии представить себе идеала, который был бы выше ее, я не могу даже вообразить себе ничего выше, лучше ее. Она мой идеал, но идеал не потому, что я идеально смотрел на нее: я вижу ее, как она есть, я не украшаю ее в моем

воображении, нет — потому что в ней все, что может быть лучшего, все, что может пленять, обворожить, заставить биться радостью и счастьем мое сердце.

Это женщина, с которой я буду счастлив, как только могу быть счастлив от женщины. В ней мое счастье, в ней».

Какие искренние, светлые, глубокие чувства! Свою любовь Н. Г. Чернышевский пронес через всю свою подвижническую жизнь. Из далекого Вилюйска, куда он был сослан царем на медленное умирание, Н. Г. Чернышевский так начинал свои письма жене: «Милый мой друг Оленька, радость моя».

В том же дневнике Н. Г. Чернышевский беспощадно критикует себя за мнительность. Эта черта характера приносила ему много неприятностей. Сколько мучался он сомнением, действительно ли любит его такая прекрасная девушка, как Ольга Сократовна? Н. Г. Чернышевский пишет о своей ненависти к этой стороне своего характера — «мнительности, робости, опасению встретить противодействия, несчастья, горе, неприятности там, где их вовсе нет и не может быть. Эта сторона моего характера должна быть безжалостно казнена, и я казнь ее страшным образом, выставляю на неизгладимый позор этим записыванием.

Стыдись, малодушный (вот истинное название для меня)!.. Стыдись, малодушный, своего глупого малодушия — вот оно выставляется тебе самому на показ, чтоб ты мог после, когда будешь продолжать борьбу с этою гнуснейшею, подлейшею, наконец, вреднейшею стороною своего характера... чтоб тогда ты мог видеть ее на бумаге неизгладимо заклеянною тем самым, что она выставлена целиком, как есть, без всяких прикрас и преувеличений».

Дневник Н. Г. Чернышевского — драгоценный документ исповеди великого и благородного сердца.

Человеческая исповедь может быть и криком души израненной. Когда надо с кем-то поделиться, излить свое горе. Когда оставаться наедине со страданием невыносимо. Когда искреннее человеческое участие, доброе слово дает настоящее облегчение. Недаром говорят, разделенное горе — с полгоря.

Вспомним поэму М. Ю. Лермонтова «Мцыри». В ней повествуется о жизни мальчика-горца. Взятый в плен, он заболел в пути и был оставлен на попечение в монастыре. Он жил в монастырских стенах оторванный от всего мира. Никто не знал его настоящего имени. Он лишь «послушник» (по-грузински — «мцыри»). Кажется, Мцыри смирился со своей судьбой, готов принять монашеский обет. Но вдруг он исчез. Его находят умирающим в степи, приносят в монастырь. Перед смертью он изливает душу старому монаху.

Монастырь был для Мцыри тюрьмой, он чувствовал себя в нем рабом и сиротой. Ведь он не мог никому сказать священных слов «отец» и «мать», не знал отчизны, дома, друзей, родных. Мцыри дал клятву уйти хоть на миг

от келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.

И вот Мцыри осуществляет свой побег из монастыря, чтобы

взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,

Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад.
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

Мцыри рассказал в своей исповеди о чудесном мире кавказской природы, в который он окунулся. Он вслушивался в вечный спор бурного горного потока со своим каменным ложем, созерцал дивные кудри виноградных лоз, с упоением слушал голос грузинки молодой, так безыскусственно живой, так сладко вольный. Он рассказал о смертельной схватке с властителем лесов могучим барсом.

Не удалось Мцыри осуществить свою мечту — добраться до благословенной родной стороны. И хотя теперь ему сулится жизнь в раю, она его совсем не привлекает.

Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

Любовь к родному краю, к светлым радостям земной жизни, любовь к людям, глубокие чувства к природе пронизывают скорбную и мужественную исповедь Мцыри, не похожую на христианское покаяние с его идеями смирения и самоуничтожения. Совсем непохожую, но такую человечную. «Что за огненная

душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого мцыри», — писал В. Г. Белинский.

Предвижу возражение, что христианская исповедь как раз и дает человеку душевную разрядку, облегчение от волнений, переживаний, духовное просветление. Этого, конечно, нельзя отрицать. Исповедь христианская имеет не только идеологическую, но и психологическую основу. Не будь ее, исповедь была бы для верующих значительно менее привлекательной.

Действительно, в процессе исповеди может произойти резкое изменение эмоционально-психологического состояния верующего. Напряжение в момент признания своих грехов, собственного ничтожества, сопровождающееся угнетенным состоянием, скорбными переживаниями, сменяется после отпущения грехов облегчением, душевным успокоением. Эта разрядка может быть иногда бурной, сопровождаться слезами. На смену отрицательным эмоциям приходят радостные чувства. Даже давление различных, не всегда осознанных психологических травм может ослабевать. Все это так.

Но эта разрядка достигается на религиозной основе. Происходит усыпление совести верующего, заглушение ее мук, если они есть, иллюзорное нравственное облегчение. Это — временное утешение несбыточными надеждами, приятными грезами. Это — ложное духовное облегчение. Ложное, ибо оно отгораживает верующего именем бога от реальной действительности, притупляет его гражданские чувства, связь с людьми и ответственность перед ними.

Надо отметить и то, что исповедь не выявляет источников тех или иных психических травм человека, причин психологических конфликтов, доставляющих

ему неприятные переживания. А без знания этого их можно только приглушить, и то на время, но нельзя снять окончательно. В этом отношении бесценную помощь человеку оказывает современная медицина, дающая многообразные психотерапевтические методы эффективного врачевания душевных ран. Много могучих светлых, возвышенных переживаний, радостных потрясений души человеческой способно дать искусство.

Подлинно человеческая исповедь богата духовно. Она может быть радостным, щедрым дележом сокровищ души человеческой, накопленных в земной жизни. Помните мудрые строки Н. А. Некрасова: «Когда зима нам кудри убелит, приходит нам нежданная забота свести итог...»?

Выдающийся русский ученый-естествоиспытатель, старейший революционер, почетный член Академии наук СССР Н. А. Морозов создал замечательный человеческий документ — «Повести моей жизни».

Это — исповедь о жизни революционера и ученого, о преданности науке и делу борьбы за счастье людей, о беспримерном товариществе и мужестве небольшой группы революционной молодежи, бросившей смертельный вызов царизму. По природе спокойный и мягкий, Н. А. Морозов был самоотверженным, негибаемым в борьбе против зла, имя которому царское самодержавие.

С юности он тянулся к науке, но вот он встал перед выбором: научная деятельность или революционная борьба вместе с товарищами, борьба неравная, трагическая. «После недели мучительных колебаний я почувствовал, наконец,— писал Н. А. Морозов,— что потеряю к себе всякое уважение и не буду достоин служить науке, если оставляю их погибать, и решил при-

соединиться к ним». Он сам определил свою судьбу, зная, сколько трудностей ожидает его на этом пути.

Н. А. Морозов становится учеником кузнеца в одном из сел, затем распространяет революционную литературу среди крестьян Курской и Воронежской губерний. После возвращения в Москву участвует в попытке вырвать товарища из рук жандармов. Следуют один за другим аресты. После создания «Народной воли» Н. А. Морозов участвует в подготовке покушения на Александра II.

Самая суровая часть его исповеди — рассказ о почти 25-летнем заключении в Шлиссельбургской крепости, о мужественной попытке человека, заживо замурованного в каменном склепе, выстоять, сохранить разум, человеческое достоинство, высокие идеалы. Это рассказ о нерушимой дружбе революционеров-узников, о гибели товарищей, сходявших с ума или сознательно нарушавших тюремный режим, чтобы быть расстрелянными.

В Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где сначала находился Н. А. Морозов, тюремщики пытались сломить революционеров нравственно и физически. От ужасного питания и отсутствия свежего воздуха у узников началась цинга, стали опухать ноги. Вот как описывает это Н. А. Морозов: «Доктор осмотрел мою ногу и ушел, ничего не сказав. На следующее утро к обеду мне дали ложку сладкой жидкости желтого цвета с железистым вкусом... Не помогло, нога продолжала краснеть и пухнуть и, наконец, стала однородно толстой от таза до ступни, совсем как бревно, представляя страшный контраст с другой ногой, еще тонкой, как у петуха. Доктор вновь пришел, и мне стали приносить кружку молока, показавшегося мне са-

мым вкусным напитком, который я когда-нибудь брал в рот.

Опухоль стала падать и месяца через два почти прошла. Явился вновь тот же доктор, осмотрел, и на следующий день мне не дали ни молока, ни раствора железа.

Через неделю на моих ногах вновь появились пятна, опять началась опухоль ног и стала подниматься все выше и выше. Я снова как бы ненарочно показал ее смотрителю, но он спокойно пробормотал:

— Еще рано.

И лишь месяца через три, когда нога опять стала походить на бревно, он вызвал доктора, и мне снова прописали железо и молоко. Я опять стал медленно поправляться, и месяца через три или четыре (я давно потерял счет месяцев) снова все отняли. То же было и с другими».

Мужественно боролся Морозов со всем, что должно было, обязательно должно было убить его. Во что бы то ни стало выжить, выжить назло врагам!

«И несмотря на страшную боль в ногах,— писал Н. А. Морозов,— и ежеминутные обмороки от слабости, даже в самые критические моменты болезни я каждый день по нескольку раз вставал с постели, пытался ходить сколько мог по камере и три раза в день аккуратно занимался гимнастикой.

Цингу я инстинктивно лечил хождением, хотя целыми месяцами казалось, что ступаю не по полу, а по остриям торчащих из него гвоздей, и через несколько десятков шагов у меня темнело в глазах так, что я должен был прилечь. А начавшийся туберкулез я лечил тоже своим собственным способом: несмотря на самые нестерпимые спазмы горла, я не давал себе кашлять, чтобы не разрывать язвочек в легких, а если уж

было невтерпёж, то кашлял в подушку, чтоб не дать воздуху резко вырываться».

Из заточения Н. А. Морозова освободила революция 1905 года. Всю свою дальнейшую жизнь он посвятил отечественной науке. Его «Повести моей жизни» — документ величия, мужества, несгибаемости человека, вдохновленного высокими идеалами.

Хочется остановиться еще на одном документе исповедального характера — дневниках Д. А. Фурманова, которые он вел с 1910 по 1926 год. Документе искреннем, отразившем искания истины, смысла жизни, сомнения, душевные муки. Отразившем становление научного мировоззрения, идейного и нравственного облика коммуниста.

Дневник свидетельствует о глубокой самокритичности Д. А. Фурманова. Запись 12 августа 1921 года под заглавием «Из моего позорного прошлого» сообщает: «Истпарт выпустил свою первую книгу «Из эпохи «Звезды» и «Правды»». Читаю я вчера и думаю: «...вот в 1911—1914 годах был революционный подъем. Издавались и набатом били эти две славные газеты, волновались рабочие — переживали великие дни... Я тогда был студентом. И ничего не знал — совершенно ничего: ни про газеты, ни про волнения, ни про партии...

Просто ужас вспомнить: кругом кипело море, вздымались волны, готовилась буря, а я ничего — ничего не видел...

А как бы это совпало с моим потенциально-революционным состоянием! Я чувствовал в себе всю жизнь, с детских годов — внутренний протест, недовольство гнетом, устремление к свободе, любовь к бедноте — были все задатки революционера... Как это горько. Хоть вычеркивай прошлую жизнь целиком — так она пуста, глупа, несерьезна».

Когда началась мировая война, Д. А. Фурманов ушел из университета и, став братом милосердия, ухаживал в санитарном поезде за ранеными. В 1916 году, видя ужасы войны, народные страдания, разруху, он пишет: «Когда же придет настоящая жизнь? Такая, за которую будет можно сказать: «Теперь живу, работаю и счастлив работой, потому что к ней шел, ее одну ждал... А теперь какой-то черновик жизни...»»

Произошла Февральская революция. Пало царское самодержавие. Д. А. Фурманов всем сердцем приветствует революционное обновление страны. Но с кем, с какой партией идти дальше? Этого Д. А. Фурманов еще не знает. Он ощущает свою слабую политическую грамотность. 16 июля 1917 года в дневнике появляется такая запись: «Надо уж говорить откровенно: до революции ничего-то мы не знали про политическую борьбу, ничего-то мы не понимали в политических лозунгах... И вот с первых дней мы дело себе представляли весьма просто: свергли царя, поставили новых министров, ну и дело с концом... Теперь, почти через 5 месяцев постоянной, напряженной работы, постоянных споров, бесед, чтений и лекций,—теперь многие стали примечать свои первоначальные ошибки, стали сознаваться, хотя бы перед самим собою, в политической безграмотности и отрекаться от того, что по неведению исповедовали 3—4 месяца назад.

И нечего стыдиться, друзья! Смело заявляйте о своем переломе, это только засвидетельствует ваше честное отношение к исповедуемой истине, вашу искренность и благородство».

Решающее значение для выбора жизненного пути имела для Д. А. Фурманова практическая работа в Совете рабочих депутатов г. Иваново-Вознесенска. Она стала для него подлинной политической колыбелью.

Огромное значение имела и встреча с замечательным ленинцем М. В. Фрунзе, который с февраля 1918 года стал председателем губисполкома.

5 июля Д. А. Фурманов пишет в дневнике: «Были и колебания, была неуверенность, но события, думы, разговоры — гнали меня неизбежно к берегу коммунизма. Не хватало только смелости заявить открыто. Теперь все кончено. Теперь Дм. Фурманов — коммунист-большевик».

Более двух лет был на фронтах гражданской войны Д. А. Фурманов. Комиссар легендарной Чапаевской дивизии. Помощник заведующего политотделом Туркестанского фронта. Кавалер ордена Красного Знамени.

А в мае 1921 года в его дневнике появляется такая запись:

«...Так куда же, куда я хочу?

Как куда: в Москву! В нее, красную столицу, в нее, белокаменную и алую, гордую и благородную, великую страдалицу и героиню, голодную, измученную, но героическую и вечно бьющую ключами жизни — Москву!

Я хочу туда, откуда мчатся по миру самые глубокие и верные мысли, откуда разносятся по миру зовущие лозунги, где гудит набат и гулом своим будит весь пролетарский мир...

Я хочу уйти, совсем уйти от административной работы и заняться исключительно своим любимым литературным делом».

И вот появляются «Красный десант», «Мятеж», «Чапаев». Книги о героическом времени гражданской войны, о ее легендарных бессмертных героях. Смерть оборвала жизнь Д. А. Фурманова, когда ему было 34 года.

Перед нами исповеди людей, которые были атеистами. Какая в этих исповедях чувствуется искренность, глубина чувств, нравственная самокритика, любовь к людям, жажда борьбы со злом и утверждения добра в жизни! Исповедь, о которой идет речь,— важное явление в нравственной жизни, в развитии и человека, и человечества.

Без нее оно было бы беднее духовно. Без нее для нас было бы труднее постигать красоту и величие человека, борющегося за благородные идеалы, учиться добру, мужеству, самоотверженности, совершенствовать себя.

Не в христианской исповеди, уводящей в мир иллюзий и усыпляющей совесть, черпает современный человек свои духовные силы. Источником его высоких идейных и нравственных устремлений, благородных чувств является его активное участие во всех сферах жизни нашего социалистического общества, творческий труд на благо коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Родословная покаяния	3
Усыпление совести и амнистия пороков	19
Как сделать человека совестливее?	40
Зачем человеку исповедь?	74

**Сергей Михайлович
Марков**

Зачем человеку исповеды

**Заведующий редакцией
А. В. Белов**

**Редактор
М. М. Беляев**

**Младший редактор
Г. И. Жарикова**

**Художник
Н. С. Филиппов**

**Художественный редактор
В. А. Тогобицкий**

**Технический редактор
Н. К. Капустина**

ИБ № 1438

Сдано в набор 10.04.78. Подписано в печать 27.06.78. А 00099. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать высокая. Условн. печ. л. 3,85. Учетно-изд. л. 3,51. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 2728. Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

